ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 59 (2442) Суббота, 24 июля 1948 г. Цена 40 коп.

## Моя улица, мой город

Улица — моя, дома — мои...

В этих строках Владимира Маяковского выражено гордое чувство советского человека—хозяина наших сел, городов и всей преображенной земли.

За годы сталинских пятилеток расцвело созвездие благоустроенных, культурных социалистических центров—Магнитогорск, Сталинск, Сталинабад, Игарка, Комсомольск, Березники, Кировск и другие. Чудодейственная энергия советского народа построила в тайге и тундре сотни новых населенных пунктов, благоустроила, украсила стародавние города.

Товарищ Сталин в приветствии москвичам по поводу 800-летия столицы нашей Родины писал: «Одной из серьезнейших язв больших столиц европейских, азиатских и американских стран является наличие трущоб, где миллионы обнищавших трудящихся обречены на прозябание и медленную мучительную смерть. Заслуга Москвы состоит в том, что она полностью ликвидировала эти трущобы и дала трудящимся возможность переселиться из подвалов и лачуг в квартиры и дома буржуазии и в новые благоустроенные дома, построенные Советской властью».

Эти замечательные слова великого вождя относятся не только к Москве. В любом советском городе нет трущоб, нет «Растеряевой улицы», нет «Китая», — так до революции называли рабочую окраину Петербурга южнее Обводного канала. Окраина в нашем городе — понятие только территориальное, ибо на окраине—библиотеки, школы, театры, клубы, новые дома, в которых удобно живут советские люди.

Фашистские варвары превратили в руины Смоленск и Псков, Вязьму и Севастополь, рабочие центры Донбасса, древние и новые города Украины и Белоруссии. Но едва закончилась война, взялся за работу, засучив рукава, наш народ-строитель!

В 1947 году восстановлено, заново отстроено в городах, временно захваченных фашистами, пять миллионов квадратных метров жилой площади, построено 370 тысяч жилых домов в сельских местностях. За первое полугодие нынешнего года построено, восстановлено 1.300 тысяч кв. метров жилплощади и 63 тысячи домов в деревне. Районы, подвергавшиеся оккупации, украшены свежерубленными домами колхозников, новыми кварталами городов. Еще в пору войны Москва получила саратовский газ. Скоро и в Ленинград пойдет по трубам газ из Кохтла-Ярве и Сланцев. Продолжается строительство метрополитена в Москве, строится метро в Ленинграде. Десятки и сотни троллейбусов, автобусов, трамвайных вагонов получают наши города. Асфальтом покрываются улицы. Новые бульвары и скверы шумят зеленой листвой на вчерашних пустырях. Миллиард рублей отпущен в этом году на строительство жилых домов в Москве. В опустошенных войной западных областях Российской Федерации в 1948 г. **последняя** колхозная семья переселится из **последней** землянки в новый дом.

Только советскому народу по плечу создание благоустроенных городов, в которых хорошо живется людям. Советский патриотизм — чувство активное, воинствующее!

Маленьким кружком отмечен на карте советской державы Подольск, но жители его сотворили большое дело и этим прославили родной город.

Почему на первое место в соревновании городов Российской Федерации вышел маленький Подольск? Да потому, что партийная организация города возглавила, придала большевистскую целеустремленность массовому движению жителей. Уже много лет подряд каждой весною они высаживают на улицах и площадях семь-восемь тысяч деревьев; небольшой районный городок сейчас имеет 20 цветущих скверов. Рабочие заводов — шамотного, им. Калинина, им. Орджоникидзе — отлили решетки для садов, мачты для фонарей, отремонтировали, обеспечили топливом школы, больницы, клубы. В парке сами жители выстроили театр на 600 мест. Асфальтом залито 175 тысяч кв. метров улиц. Каждый житель вложил посильную лепту в благоустройство своего города, и оттого так пышно, ярко расцвел Подольск!

В тысячах других больших и маленьких городов нашей страны кипит такая же созидательная работа. Но есть у нас города, в которых материальные резервы и творческие силы трудящихся используются недостаточно энергично, целеустремленно. «Литературная газета» в № 32 от 21 апреля рассказала о длительной тяжбе между городскими организациями Мариуполя и руководителями завода «Азовсталь» и треста «Азовстальстрой».

Прошло всего лишь... два с половиной месяца, и вот руководство завода и треста откликнулось. В письме тт. Когана и Тищенко на имя «Литературной газеты» заботе о восстановлении Мариуполя уделено значительно меньше внимания и места, чем упрекам в адрес горисполкома. «Мариупольский горисполком не занимается серьезно восстановлением города, — пишут руководители завода и стройки. — Деляческое отношение к развитию города городские организации пытаются прикрыть дымовой завесой о якобы имеющем место ведомственном подходе некоторых хозяйственников к делу возрождения исторически сложившегося города Мариуполя. Факты говорят об обратном».

Вот документ, красноречиво свидетельствующий о междуведомственной распре. Вместо того чтобы об'единить усилия, работать дружно, сообща, руководствоваться государственными, то-есть **народными** интересами, городские организации и завод годами ссорятся, разжигая ведомственное самолюбие.

Взаимоотношения между городом и заводом не получили политически правильного разрешения не только в Мариуполе, но, — как свидетельствуют многие сигналы, — и в некоторых других производственных центрах страны — в Людинове, Краматорске, Копейске.

В прошлом номере мы опубликовали корреспонденцию «Человек и город» З. Аграненко, И. Бару, Бор. Галина и Бор. Горбатова. Писатели рассказали о том, что рост производственной культуры на предприятиях Донбасса обогнал рост благоустройства рабочих городов. Некоторые достижения Краматорска и Горловки не должны привести к самоуспокоению советскую, партийную общественность этих городов. Многое еще можно сделать в Краматорске и Горловке, чтобы культура быта в Донбассе поднялась до уровня производственной культуры лучших донбассовских предприятий.

Опыт показал, что там, где трудящиеся организованы, где хозяйская забота о городе стала для каждого человека глубоко партийным делом, где есть хорошие руководители, — там буквально на глазах меняется облик городов, резко улучшается уклад жизни.

Сегодня мы рассказываем о двух городах: Тамбове и Боровичах. В городе советских огнеупоров—Боровичах быт жителей непрерывно улучшается; там горсовет вместе с трудящимися активно, напористо борется за благоустройство. А в Тамбове творческая энергия жителей не мобилизована, не направлена на конкретные задачи; там все еще ссылаются на послевоенные трудности.

В военную пору советские люди мирились с временными неполадками в быту. Это было неизбежно. Но сейчас трудящиеся законно хотят жить в благоустроенных, чистых, культурных городах. Полностью удовлетворить бытовые и духовные запросы народа — неотложная задача местных партийных и советских организаций.

Все советские люди преданно любят свою мать-Отчизну. Это выражается и в беззаветной любви, которая живет в сердце каждого человека к своему родному городу, селу, где он родился, вырос, где он живет и трудится. Эта любовь требует больших дел! Воплощена она должна быть в неустанном труде, в заботе о «моем городе», о «моей улице», «моем доме».

## На родине Н. Г. Чернышевского

В Саратове, на углу спокойных и тихих улиц — бывших Большой Сергиевской и Гимназической, а ныне улиц Чернышевского и Некрасова, стоит небольшой серый одноэтажный домик. На пятиоконном его фасаде прикреплена белая мраморная доска.

Здесь 120 лет назад родился Н. Г. Чернышевский—великий ученый, поразивший Маркса глубиной и силой критики буржуазной политической экономии, оставивший неизгладимый след в мировой науке, совершивший настоящий переворот в теории искусства своей бессмертной диссертацией «Эстетические отношения искусства к действительности», великий критик, предсказавший и определивший мировое значение творчества Льва Толстого, роль и значение Салтыкова-Щедрина, пламенный публицист, глубокий философ и в то же время замечательный писатель, чей роман «Что делать?» являлся настольной книгой нескольких поколений передовых русских людей.

В. И. Ленин высоко ценил великого русского революционера-демократа. 17 сентября 1920 года В. И. Ленин подписал декрет, по которому дом-музей Н. Г. Чернышевского был об'явлен национальным достоянием.

В этом доме собраны богатейшие материалы, относящиеся к жизни Чернышевского. Здесь бережно хранятся его личные вещи. Редчайшее собрание фотографий, портретов, скульптур Чернышевского, 150 томов личной библиотеки писателя—все эти многочисленные экспонаты помогают посетителям живо представить себе обстановку тех лет, когда сначала ребенком, затем семинаристом, потом молодым учителем саратовской гимназии жил здесь Николай Гаврилович Чернышевский. Особенно запечатлевается в памяти комната в мезонине, любовно восстановленная в том виде, в каком она была при жизни Чернышевского-учителя. Здесь он писал шифром свой дневник, принимал передовых людей Саратова и учащуюся молодежь, делал первые наброски романа «Что делать?»

Двери музея широко открыты для народа. Через маленький домик, едва вмещающий экскурсии в 30 человек, прошло более 100 тысяч человек. Поток посетителей течет непрерывно, а в книге отзывов прибавляются все новые и новые записи. Приведем одну, сделанную Героем Социалистического Труда Ферапонтом Петровичем Головатым: «Здесь в этом доме-музее Н. Г. Чернышевского, — на примере великого русского патриота-революционера можно учиться, как нужно любить свою Родину, не жалея для нее ни сил, ни труда, ни жизни».

Русские, украинцы, белоруссы, грузины, армяне, татары, казахи, якуты и представители многих других народов нашей страны посещают музей. Знакомились с домом Чернышевского и чехословацкие и австрийские рабочие, польские комсомольцы, испанские коммунисты.

Музей ведет большую научно-исследовательскую работу. При его содействии написано много кандидатских и докторских диссертаций, посвященных Чернышевскому. Директор музея, внучка Н. Г. Чернышевского — Нина Михайловна Чернышевская сдала в печать книгу «Чернышевский в Саратове», рассказывающую о детских и юношеских годах великого саратовца. Широко развернута массовая работа. Только за последние десять лет проведено 2000 лекций и бесед.

В связи со 120-летним юбилеем со дня рождения Н. Г. Чернышевского в июле и августе на предприятиях и в учреждениях Саратова будет прочитан цикл лекций, посвященных великому русскому революционеру-демократу. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР передал в подарок дому-музею картину художника Руднева «Допрос Чернышевского» и бюст Н. Г. Чернышевского работы скульптора Рукавишникова.

ПИСЬМО ИЗ СТАНИЦЫ ЗЕЛЕНЧУКСКОЙ

## Сельские электрики

Семен БАБАЕВСКИЙ

Специальный корреспондент «Литературной газеты»

Если вам хотя бы один раз случалось проезжать скалистыми берегами Кубани или двух Зеленчуков — Малого и Большого, то вы могли видеть странное смешение казачьих и черкесских поселений: что ни ущелье, то цепочка аулов, — обычно стоят они один вблизи другого; что ни долина или балка, то зеленый шатер казачьей станицы. Так и встает перед глазами живая история,—каждому видно, что в далекие времена в этих местах проходили две враждующие линии; что вот тут когда-то стояли заградительные кордоны и крепости; что вот в тех ущельях шумели набеги. Давным-давно забыты те далекие времена, и только кое-где, как островки на море, еще стоят на отвесной скале сторожевые башни — совсем уже хилые, из'еденные дождями и никому ненужные...

И примечательно то, что в наше время внимание проезжего привлекают не остатки сторожевых башен с пустыми глазницами бойниц, а усадьбы машинно-тракторных станций, коневодческих совхозов, кошары и базы животноводческих ферм, — как маяки стоят эти строения на всем пути от города Черкесска до станиц Сторожевой и Преградной... К этим постройкам после войны прибавились домики гидроэлектрических станций, и по горным ущельям, из одного населенного пункта в другой, протянулась сеть высоковольтных и низковольтных проводов.

— Да, дело идет, — многозначительно заметил кучер, казак лет под шестьдесят, подгоняя уже приморившихся лошадей.— На нашей земле открывается такая картина, что ежели говорить по справедливости, то куда ни взгляни, а линия у нас правильная. Взять для наглядности нашу Зеленчукскую. Теперь эту станицу все знают. Почему, сказать, туда люди едут и едут? Да потому, что там все: чи тебе нужны техники или инженеры, — так имеются всякие; чи требуется осмотреть гэсостанцию, — пожалуйста, осматривай, что ж такого? чи тебе требуются какие машины или, сказать, проволока, — есть и это; чи там мастерские или еще что, — все имеется налицо! Вот и едут к нам люди со всех краев. А как же — центр!

Кучер уже положил кнут, очевидно, собираясь подробнее рассказать о своей станице, но в это время рядом с нашей тачанкой остановилась полуторка, и из шоферской кабинки вышел худощавый и молодцеватый на вид мужчина. На голове у него была серая войлочная шляпа с широкими, свисающими полями. Одет он был в сапоги и суконные брюки-галифе, точно из такого же сукна гимнастерка с расстегнутым воротом, подпоясанная тонким ремнем в серебряном наборе.

— Э! Анзор! — крикнул кучер. — Далеко скачешь?

— А у меня дорога прямая! — весело ответил Анзор. — В Зеленчукскую. Не знаешь, Готовцева я застану дома? Не могу я его поймать — все по стройкам мотается.

— Вчера был дома, — кучер хитро усмехнулся, черкнув ладонью жесткие усы. — А по какому делу едешь? За электрическими машинами?

— Нет. В гости к Готовцеву. — Анзор усмехнулся, снял шляпу и вытер ею пот. — Ну, дайте мне огонька, а то я тороплюсь...

Тем временем на горы спускались сумерки. Машина Анзора скрылась за поворотом, осветив прожекторами фар угол скалы. Кучер повернулся ко мне и сказал:

— Сосед... Колхозный завхоз. И до чего ж он быстрый, каналья! А какой обманщик — ужас! Ведь я ж хорошо знаю, что едет он за машинами, говорит, что к Готовцеву в гости. Да таких гостей у нас завсегда полон двор... И то сказать, Зеленчукская — центр!

Мы ехали очень долго — «центр» оказался не так-то близко. Давно над горами висела густая россыпь звезд, — темные и удивительно звездные бывают южные ночи в пору безлунья. Ни скал, ни дороги не было видно. Мы поднялись на небольшую возвышенность, и тут, в отлогой ложбине, почти перед нами, полыхало зарево огней. Красивое это было зрелище! Свет разливался над садами, и сквозь сочную зелень, окрашенную в розовый цвет, гусиной сталей белели стены домов, а кругом — темные силуэты гор... Издавна я знаю эти места, а посмотрел в низину и удивился: да откуда же здесь взялись эти кварталы домов, залитые таким ярким светом? Какой такой неведомый мне город вырос в горах? А кучер только усмехается. Он нарочно остановил лошадей и приподнялся на козлах.

— А чего же тут удивляться? — гордо заявил он. — Это же Кардоникская! Неужели ты не знаешь Кардоникскую? А вот еще возьмем одну возвышенность, тогда и не такое чудо увидишь — там Зеленчукская! Эге! По всему видать, что ты человек нездешний!

Я — и нездешний? Смешной же старик, он того и не знает, что в этих-то местах я не новичок — давным-давно из'езжены и исхожены эти дороги. Только вот как описать увиденное, какими словами рассказать о жизни казачьих станиц и черкесских аулов, чтобы и тот, кто никогда здесь не был и, возможно, не будет, тоже и увидел и поверил?

Конечно, проще всего было бы сказать: в горах рождается электричество, и с его рождением меняется и культурная и производственная жизнь станиц и аулов; сказать, что по пятилетнему плану на малых и больших горных реках, в радиусе не более ста километров, сооружается 23 гидроэлектрических станции общей мощностью в 5000 киловатт; сказать, что 5 гидростанций уже пущены в эксплоатацию, и дешевая энергия не только освещает станицы, кошары, полеводческие станы, но решительно вмешивается в производственную жизнь колхозов, облегчая труд людей; сказать, что строительство ведут сами колхозы, на свои средства и своей рабочей силой... Но сказать только об этом, значит, умолчать о самом главном: за голыми фактами, за колонками точных цифр стоят люди, строители, техническая интеллигенция, — не просто люди, а творцы новой жизни.

И начало свое эта новая жизнь берет в станице Зеленчукской. На главной улице стоит огромный, обмазанный глиной дом — «Сельэлектро». Широкий двор обнесен старым садом. Тут же электромастерские и склады. Во дворе постоянно полно приезжих — и бричек с волами, и тачанки, и автомашины, и верховые лошади. Только тут я понял, что означали слова кучера: «Вот и едут к нам люди со всех краев! И то сказать, Зеленчукская—центр!» Оказывается, центр не только потому, что здесь находятся районные организации, а и потому, что в Зеленчукской есть строительная контора «Сельэлектро» — здесь осуществляются смелые строительные проекты, отсюда идет техническое руководство всеми стройками, из этого двора увозятся гидротехническое и электрическое оборудование.

Во дворе я увидел и Анзора — он уже грузил на автомашину трансформатор и электрические моторы. А в коридоре, где временно обосновался кабинет главного инженера Готовцева, толпятся гости из колхозов: одни уходят, другие приходят, и у каждого есть свое неотложное дело к инженеру.

Евгений Дмитриевич Готовцев, уже немолодой, с побелевшими висками и усталыми, но поразительно светлыми глазами, только что вернулся из поездки по строительным участкам и занимался своими, так сказать, домашними делами. Он принимал посланцев из колхозов, говорил с ними тихим, даже несколько застенчивым голосом. Тут я познакомился с Голощаповым — старшим электромонтером, энергичным и волевым работником, который постоянно находится либо в колхозах, либо на стройках; познакомился с инженером Погореловым — начальником строительства Исправненской ГЭС, человеком необыкновенной популярности в этих местах; познакомился с опытнейшим механиком Ремизиным, уже немолодым, но в делах удивительно поворотливым... Советская техническая интеллигенция горячо берется за электрификацию сельского хозяйства, — более шестидесяти человек инженеров, техников, электромонтеров работают на строительстве гидростанций в горах. Как правило, живут они здесь с семьями и уже так сдружились с казаками и горцами, так привыкли к этим живописным местам, что их считают местными старожилами. Велика их популярность в колхозах! Поговорите с колхозниками о Готовцеве, о Погорелове, о Голощапове или Ремизине, и вы всюду услышите самые лестные отзывы,—радует то, что люди с высшим техническим образованием стали самыми близкими друзьями колхозников. «Так мы их уже и в казаки приписали — теперь они насовсем наши», — говорят в колхозе «Ударник». «Значительные люди, настоящие джигиты в своем деле», — говорят о них в ауле.

Тут, надо полагать, сказался местный старинный обычай, — так говорят только о человеке, заслужившем особую почесть. Безусловно, в наши дни и звание джигита, и приписка в казаки звучит лишь, как добродушная шутка. А сколько в этих словах почета и уважения, — по всему видно, что и старые и молодые жители станиц и аулов понимают: без таких людей, как Готовцев или Погорелов, им жить уже нельзя. Да это хорошо понимают и сами инженеры и техники, поэтому и миссию свою в Зеленчукской они оценивают весьма высоко.

— Мы—сельские электрификаторы, — говорит Готовцев, — и наша жизнь не отделима от жизни колхозов.

Евгений Дмитриевич рассказывает о недалеком будущем горных районов, а перед ним — карта строительных об'ектов. Жирными линиями отмечены ущелья — они расходятся во все стороны, как ветки на дереве, а по ним пунктирами тянутся реки: тут и сама бурная Кубань, и оба Зеленчука, как два брата, раз'единенные скалистым хребтом, и такие мелководные, но капризные во время дождей речонки, как Хумара, Хасаут, Кефарь, Уруп. Что ни речка, то и стоит на ней кружок — метки колхозных гидростанций. Есть кружки красные—эти станции уже работают, а большинство кружков закрашены до половины — здесь строительство в полном разгаре.

— Взгляните вот на этот кружок, — говорит Готовцев. — На реке Большой Зеленчук строится Исправненская ГЭС. Пуск ее намечен на июль, но мы могли бы ее пустить еще весной. Могли — и не пустили. А почему? За нами дело не станет — есть у нас и специалисты и необходимое оборудование. Беда была в том, что руководители района до последнего времени не верили в успех своей стройки, по этой причине и затянули земляные работы. — Готовцев скупо улыбнулся, как бы что-то вспомнив. — Ох, это неверие! Сколько оно причинило нам горя. «Пустая затея, не будет толку», — это можно было слышать всюду. Это теперь, когда пять гидростанций уже работают и на полях идет электромолотьба, очистка зерна, когда полностью механизированы мастерские МТС, работники «Сельэлектро» стали в этих местах желанными людьми. А что было, скажем, год или два тому назад? Даже такой передовой человек, как председатель райисполкома тов. Целиков, и тот никак не мог поверить тому, что у него в районе будет своя электростанция. «Да как же это можно? Берега у нас горные, как же тут вода пойдет, — зря только землю роем», — вот его доводы. Теперь и Целиков, да и не только он, рассуждает по-иному. И вы думаете, помогли наши постоянные беседы и раз'яснения? Да нет же! Доказывать свою правоту пришлось делом. Пустили в прошлом году самую крупную станцию — Зеленчукскую ГЭС, и это явилось такой мощной агитацией, что ничего лучшего и желать нельзя. Со всех сторон приехали сюда «ходоки из неверующих», люди дотошные, придирчивые. Обошли они и канал, побывали и на головном шлюзе, осмотрели и здание, и машины, а когда уехали, работа у них закипела. Пуск Зеленчукской ГЭС — первая наша крупная победа. Работать стало легче, неверию пришел конец...

Евгений Дмитриевич говорил долго и подробно, и не просто сообщал сухие факты и проценты выполнения плана, а рассказывал об интересах и нуждах колхозов, о тех ярких и заманчивых перспективах электрификации станиц и аулов, которые теперь видны всякому.

Стоит лишь поговорить с любым специалистом «Сельэлектро», как вы заметите, что каждый кружочек на схематической карте для них не просто строительный об'ект, а что-то гораздо большее и значительное. Будущее каждой из 23 гидростанций они оценивают не как подрядчики, выполняющие работы, а как хозяева этих мест, и им не безразлично, как и где будет использоваться электроэнергия. Облегчить трудоемкие процессы труда в колхозах — вот их заветная мечта. Поэтому инженеров и техников «Сельэлектро» не в меньшей мере, чем, скажем, секретаря райкома или председателя райисполкома, председателя и парторга колхоза интересуют и электромолотьба, и электросушка зерна, и электроочистка, и электрическая стрижка овец, дойка коров, устройство в колхозах циркульных пил, механизация мастерских МТС, колхозных кузниц... Наступает время молотьбы, и инженеры-строители обеспокоены тем, чтобы не к четырнадцати молотильным токам были подведены электролинии, как это имело место в прошлом году, а к двадцати пяти. И это уже делается, и всюду работами руководят техники «Сельэлектро». Как известно, сушка зерна в условиях горного, чрезмерно дождливого лета задерживает хлебопоставки, и инженеры вместе с работниками района строят электросушилку...

А спросите у Готовцева или у Погорелова, какое значение будут иметь в ближайшем будущем строящиеся гидростанции для развития экономики горных районов, какие новшества принесет электричество на поля и в животноводческие фермы, и они расскажут об этом так, как только может рассказать влюбленный в свое дело человек. Нижне-Ермоловскую ГЭС, например, строит колхоз имени Первого Мая, затрачивая на нее 210 тысяч рублей, и инженеры уже подсчитали, какую материальную выгоду принесет эта станция колхозу: электричество проникнет во все отрасли хозяйства и за какие-нибудь три-четыре года с лихвой окупит затраты. По тем же расчетам инженеров гидростанция имени Кирова на реке Большой Зеленчук уже осенью даст свет во все аулы Кубинского района, а к будущему лету здесь полностью будут механизированы процессы труда и в поле, и на фермах. Те же перспективы имеют Усть-Джегутинская ГЭС на реке Кубани и Сторожевская — на реке Кефарь. Но мало этого. Расчеты и планы инженеров идут дальше. Энергия Верхне-Архызской ГЭС механизирует труд на лесоразработках. На электрической энергии будут работать местные заводы по производству дегтя и скипидара. Важнейшую роль сыграет электричество и в развитии новых, только что открытых угольных шахт...

Инженеры «Сельэлектро» не только строят станции, но и перестраивают жизнь горных районов. В этих горах они не одиночки: у них тысячи помощников, и какие помощники! Тут и районные работники, и председатели колхозов, и парторги, и молодежь. Как молодые побеги вырастают в соседстве со старыми деревьями, так и рядом с инженерами и техниками «Сельэлектро» уже выросли в станицах и аулах свои специалисты; в горах родилась новая профессия — появились колхозные электрики.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ.

## В строй вступает блуминг «Азовстали»!

Соленый морской ветер налетает и треплет клубы дыма, поднимающиеся из высоких труб «Азовстали». Красавец-завод стоит на берегу моря. Волны плещутся у самых домен.

Мы помним дни освобождения Мариуполя от немцев. Безмолвно стояли разрушенные, подорванные цехи над морем... Несмолкаемый рокот волн оттенял мертвенную тишину запустения...

И как чудесно все изменилось ныне! Живет, живет напряженной, кипучей жизнью красавица «Азовсталь»! С каждым днем набирает она все больше и больше сил. Давно ли прославились строители завода выдающейся победой,—силой творческой мысли и энергии они подняли, выпрямили, поставили на место подорванную немцами гигантскую доменную печь... За осуществление этой смелой технической идеи инженерам-строителям «Азовстали» была присуждена Сталинская премия.

И вот сегодня здесь празднуют новую победу. Входит в строй крупнейший в Союзе блуминг—гигантский агрегат, превращающий мощные стальные слитки в заготовки, из которых здесь же на заводе будут катать рельсы и балки для промышленного строительства и высотных зданий столицы.

На полтора километра протянулось пятиэтажное здание цеха блуминга. Вы входите в высокие железные двери и попадаете в царство огня и гигантских механизмов.

Вот прибыл из мартеновского цеха состав со стальными слитками. Мощный кран захватывает своими исполинскими клещами слитки и несет их в огненные колодцы, где слитки нагреваются до 1.250 градусов. От пяти до семи часов длится нагрев. И снова кран запускает свои клещи в колодец, берет раскаленный добела слиток и несет его на электрическую тележку — трансферкар. Тележка со слитком мчится к рольгангу, плавно опрокидывает ношу, слиток плывет к блумингу. Два тяжелых вала, расположенные один над другим, принимают слиток и, вращаясь с большой скоростью, давят, сплющивают его.

Шипит вода, охлаждающая валки. Пар подымается к высоким сводам здания. От раскаленного слитка кусками отваливается потемневшая корка—окалина. Она падает под валки в особый приемник.

Слиток в валках делается все тоньше, становится длиннее. Он приобретает необходимый профиль и плывет дальше — к ножницам.

Весь процесс движения слитка автоматизирован. Девушка-оператор со своего поста управляет движением трансферкара. Автоматические весы отмечают вес слитка, автоматически опускаются ножи.

Почти на всех постах управления сложным процессом проката стоят сегодня юноши и девушки. Несмотря на молодость, они успели пройти большую школу. Помимо теоретического обучения, все они проходили практику на первоклассных заводах Советского Союза — в Магнитогорске, Сталинске, Макеевке.

Старший сварщик нагревательных колодцев Гординец окончил курсы сварщиков, в течение года работал на макеевском заводе имени Кирова. Секретарь комсомольской организации Масюкевич и ее сменщица, жена погибшего фронтовика Стабенко умело руководят подачей слитков на рольганг. Наташа Курина — коммунистка, участница Сталинградских боев, работавшая ранее комсоргом завода «Азовсталь», стала отличным оператором поста управления ножницами.

Молодые, энергичные, пытливые советские рабочие приняли блуминг от строителей и вдохнули в него жизнь.

Замечательную победу одержали строители тяжелой индустрии. Гигантская работа выполнена ими. Всего немногим больше года назад прибыли на площадку чертежи блуминга. Об об'еме предстоявших работ можно было судить по тому, что этих чертежей было свыше ста тысяч! Чтобы осуществить в жизни то, что было намечено на кальке, требовалось прежде всего взорвать старые, оказавшиеся негодными фундаменты — 50 тысяч кубометров железобетонных сооружений, вынуть 400 тысяч кубометров земли и уложить заново в фундаменты и тоннели 400 тысяч кубометров бетона и железобетона, смонтировать мощное и сложное оборудование блуминга и обслуживающих его агрегатов.

В течение года все это было сделано — и сделано прекрасно! Блуминг «Азовстали» готов к работе!

Л. ЖАРИКОВ.

Специальный корреспондент «Литературной газеты».

МАРИУПОЛЬ. (По телеграфу).

## По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Киев.** Президиум Академии наук УССР принял решение о создании химического общества им. Д. И. Менделеева. При академии организуется также гидробиологическое общество. Постоянная экспедиционная база Академии наук УССР будет создана в Закарпатье.

◆ **Минск.** Открылась вторая Всебелорусская выставка детского изобразительного творчества, посвященная 30-летию ВЛКСМ. На ней экспонируется свыше 300 работ — рисунков, скульптур, вышивок, апликаций.

◆ **Житомир.** «Литературные субботы» еженедельно проводит клуб села Старо-Романовка. «Субботы» привлекают большую аудиторию. Местная учительница тов. Куриленко знакомит участников «суббот» с лучшими произведениями советской литературы.

◆ **Караганда.** Красная юрта организована в песках Кара-Кума на участке отгонного животноводства колхоза имени Сталина. Здесь можно почитать газету, журналы, получить книгу, прослушать радиопередачу из Москвы. Недавно при юрте открылась вечерняя школа для взрослых.

◆ **Ростов-на-Дону.** 106 колхозов Ростовской области приобрели собственные телефонные коммутаторы на 10—20 абонентов каждый. Это позволило им организовать постоянную телефонную связь между правлением, полевыми станами, с фермами, с МТС, а также телефонизировать квартиры бригадиров и звеньевых.

# За околицу—в широкую жизнь страны

И. АРАЛИЧЕВ

**Сутки промчался поезд из Москвы на северо-восток, потом день отгромыхала по лесному тракту видавшая виды полуторатонка, — и вот мы уже в селе Вожгалы, Кировской области.** Сюда недавно вернулся из заграничной экскурсии председатель передового в области колхоза «Красный Октябрь» П. Прозоров. На недавней пражской выставке у стендов «Красного Октября» толпились чехословацкие крестьяне. С не меньшим интересом и вожгальцы слушали рассказ своего председателя о демократической Чехословакии, о Праге, о братском славянском народе.

Среди слушателей Прозорова были его односельчане — учителя вожгальской школы. Вожгалы — хорошее село, есть тут и Дом культуры, и электростанция, радиоузел, средняя школа. И все же учителя слушали с оттенком какой-то личной обиды рассказ земляка. Мало, слишком мало видели вожгальские педагоги. Большинство из них никогда не бывало в Москве. А ведь они учительствуют в передовом селе: именно из вожгальской школы вышли мастера социалистического земледелия, которыми нынче гордится вся область...

Аркадий Александрович — скромный, влюбленный в свое дело учитель — горячо говорил мне:

— Вы только подумайте, какие у меня ученики! Жадные к знаниям, энергичные, смелые... Я должен пред'являть к себе — учителю! — весьма высокие требования. Но вот я астрономию преподавал, а сам ни разу в обсерватории еще не бывал. А новинки техники? Достижения советской агрономии? В моем положении я все обязан знать!

Аркадий Александрович, поостыв, признал, что у него в Вожгалах есть и библиотека, новые научно-популярные книги, методическая литература... А в других школах и этого ведь нет!

Юлия Андреевна Пешкова — преподавательница литературы — в 1942 году окончила Омутнинский учительский институт, приехала в Вожгалы.

— Могу ли я быть довольна своими уроками, — спрашивает она,—если знания мои только из книг? Я никогда не бывала в Третьяковской галлерее, не видала Кремля, мавзолея Ленина...

Мне довелось говорить с учителями более глухих мест. Вера Ивановна Анисимова вот уже 17 лет учительствует в Гусакове. Нет в ее школе ни радио, ни хорошей библиотеки. Детям нечего читать, приходится вырезывать для них рассказы из «Пионерской правды» и клеить «книжки-малышки»... Вера Ивановна побывала в Москве в 1931 году с экскурсией выпускников Сольвычегодского педагогического техникума: 17 лет прошло с тех пор, а этой экскурсии она не забыла.

— Я с девических лет готовила себя к школьной работе, и я счастлива, — говорит Вера Ивановна. — За 17 лет «выросла» моя школа, выросла и я с ней. Сидишь ночью при свете керосиновой лампы, проверяешь тетрадки — душа радуется каждой строчке... Но как обидно, когда нет радио, новых книг, журналов. Почему бы не установить такой порядок: книгу, газету, журнал — в первую очередь для сельской школы! В городе, в районном центре можно ведь и самому сходить в читальню...

Много таких рассказов выслушал я во время поездки по Кировской области. Во многих сельских школах нет радио. Городским жителям трудно себе представить, как это можно жить и работать без радио... Сельский учитель, лишенный радио, оторван от жизни страны, сужен его кругозор. Зачастую даже песню с детьми вынужден он заучивать на слух, «по памяти» какого-нибудь бывалого человека.

Трудно жить и работать сельскому учителю без педагогической литературы. В некоторых районах Кировской области на 30—40 сельских школ выписывают только 3 экземпляра журнала «Начальная школа». Зимой по заметенной снегом тропе вынужден шагать сельский учитель по 15—20 километров, чтобы получить номер журнала.

— Нужны книги! — говорил мне учитель Сомнинской начальной школы Владимир Михайлович Ворончихин. Его школа — в 30 километрах от районного центра; деревня окружена лесами. Работает Ворончихин один с четырьмя классами. Радио в деревне нет.

— Очень хочется приобрести приемник, — рассказывает Ворончихин о своей заветной мечте. — И деньги у меня есть, но где его достать? В кооперации нет, обращался в обком профсоюза—там тоже не знают, как помочь...

Заведующий Кировским областным отделом народного образования А. С. Ходырев, сельский учитель с 25-летним стажем, с гордостью рассказывал мне, как и в этих трудных условиях настойчиво учатся сельские учителя, как заочно кончают высшие или средние педагогические учебные заведения, усердно посещают летом методические конференции и курсы по переподготовке. За последние три года в Кировской области 1.100 учителей заочно окончили педагогические училища. Сейчас учится заочно в педучилищах еще 800 человек. Кроме того, 1.700 учителей учится заочно в учительских и педагогических институтах.

— Страстная тяга к учебе! — заявляет тов. Ходырев. — Но, — продолжает он, подумав, — мы обманули бы себя, если бы решили, что все благополучно.

В Кирове довелось мне побывать на курсах по переподготовке учителей начальных школ. Срок обучения—25 дней. И вот что любопытно: за это время сельский учитель, вызванный из далекой лесной деревни, ничего не узнает кроме методики, методики и методики. На посещение театра, музеев, на лекции по политическим темам, по искусству не отведено ни времени, ни средств. Забывают о том, что учитель без кругозора, учитель, не выходящий за околицу своей деревни, рано или поздно отстанет от жизни.

Почему же так мало сельских учителей видит собственными очами кипучую жизнь советской страны? Почему многие из них Москву никогда не видали? Разве так уж трудно организовать экскурсии для учителей? Разве нельзя договориться с радиопромышленностью о выпуске приемника, доступного каждому учителю?

Нет, это не трудно сделать! С кем бы мы ни беседовали, все учителя отказываются от льготных путевок.

— Мы за свой счет хотим ехать! У нас есть деньги! Нужна только уверенность, что, появившись на под'езде московского вокзала, мы найдем, где приклонить голову с наступлением ночи! А приемник? Где его купить, как его выписать, да так, чтобы не обмануться?

В Кировской области на 19.000 учителей получено нынче... 35 экскурсионных путевок. Меньше одной путевки на 500 учителей! 140 учителей отправятся еще в экскурсию по реке Вятке на пароходе, да две-три сотни учителей побывают за лето в областном центре. И это все!

Председателя обкома профсоюза работников начальной и средней школы А. Д. Девятову осаждают учителя, а она отвечает:

— Путевок не дают! Но, знаете, когда я была в Москве, я ночевала в таганском Доме учителя. Учитель может переночевать за 5 рублей, ему там и консультацию дадут, — куда пойти, что посмотреть...

Вот и все советы, какие может дать Девятова.

... Такой же рой учителей, жаждущих увидеть жизнь страны, но только многократно увеличенный, увидел я в летние дни в Москве, в ЦК профсоюза работников начальной и средней школы РСФСР.

**— Примерно 400.000 учителей работают на селе, — раз'яснил нам заведующий культотделом Н. Г. Луцкий.** — А путевок несколько тысяч. Нынешним летом наша экскурсионная база примет в Москве 4.000 учителей, столько же — Туристско-экскурсионное управление ВЦСПС, 1.000 — Министерство путей сообщения. За лето побывает в Москве, Ленинграде, на Кавказе в экскурсиях 10.000 учителей.

Приказ министра просвещения РСФСР обязал все отделы народного образования и министерства просвещения автономных республик разработать совместно с профсоюзными организациями маршруты внутриобластных и дальних учительских экскурсий и оказать им помощь и содействие.

Московскому городскому, Ленинградскому городскому, Крымскому областному и Краснодарскому краевому отделам народного образования приказом министра предложено выделить на летний период школьные помещения для организации в них средствами профсоюзов общежитий для экскурсантов: в Москве на 3.000 экскурсантов, в Ленинграде на 1.500, в Ялте и в Сочи по 500.

В Москву уже прибыли первые учительские экскурсии из Алтайского края, Коми АССР, Воронежской, Свердловской, Молотовской и Омской областей, а также из Красноярского края, Грузии, Азербайджана и Дагестана.

Всего в столице на базах ЦК профсоюза работников начальной и средней школы и Туристско-экскурсионного управления ВЦСПС находится сейчас более 500 учителей-экскурсантов.

Отличное начало! Но и в ЦК профсоюза согласны с тем, что можно сделать больше.

Председатель ЦК союза К. В. Олюнина, выслушав наш рассказ о встречах с кировскими учителями, призналась:

— Да, в прошлом году мы сдерживали народ. Но сейчас уже ничто не лимитирует — ни питание, ни проезд по железным дорогам, ни места в общежитиях. Обо всем можно договориться. Мы проявили робость — можно сделать больше!..

Мы сидим с ней, не спеша подсчитываем реальные силы и мечтаем. И вот уже председатель ЦК говорит:

— В Москве 25 районов. Если выделить в каждом районе хотя бы по одной школе для приема экскурсантов, то можно принять дополнительно еще 10—12 тысяч учителей. А если выделить по две школы? А Дома учителя? Общежития вузов? Да мы можем в летние дни буквально наводнить Москву сельским учительством! Нужно только взяться за дело!.. Учительство столицы охотно пойдет навстречу своим товарищам, мечтающим побывать в Москве. У нас уже и опыт есть — в дни 800-летия Москвы столичное учительство приняло немало экскурсий из разных уголков страны. Были случаи, когда столичные учителя размещали своих товарищей у себя на дому...

Надеемся, что ЦК профсоюза работников начальной и средней школы, поддержанный Министерством просвещения, столичными педагогами, осуществит эти замыслы. Мечты — мечтами, а пора взяться за практическое дело! Каждое лето улицы Москвы, Ленинграда, других культурных центров страны должны заполнять сельские учителя.

Но этого мало. Понимает ли Министерство просвещения, чем грозит отсутствие педагогической литературы сельской школе? Чувствует ли каждый райком партии ответственность за распределение книг и газет в своем районе? Надо удовлетворять в первую очередь, даже за счет районного центра, учителей отдаленных школ. Наша мощная радиопромышленность должна обеспечить в ближайшее же время сельские школы недорогими, надежными радиоприемниками.

Надо помочь сельскому учителю поскорее выйти за околицу своего села и окунуться в бескрайнюю, как океан, жизнь своей страны.

---

ЗА ОБРАЗЦОВУЮ КНИГОТОРГОВЛЮ

# Снять межобластные кордоны!

В Иркутске вышла книга новосибирского писателя А. Смердова «В стране Темира» — о Горной Шории (Кемеровская область). Естественно, что читатели Кемеровской области заинтересуются этой книгой и захотят ее прочесть. Можно ли послать эту книгу из Иркутска в Кемерово? Нет, нельзя!

Книга стоит 4 рубля. Допустим, что Кемерово закажет 1.000 экземпляров. Иркутское отделение Когиза, оплатив стоимость книги областному издательству, а также транспортные расходы, ровно на 4.000 р. недовыполнит план розничной продажи книг. Таким образом, сейчас передача хорошей «ходовой» книги другому книготорговому отделению уменьшает возможность местного Когиза выполнить план продажи.

Между тем, Когиз требует от областных отделений прежде всего выполнения плана розничной продажи.

Новосибирское отделение Когиза провело интересное начинание. Оно разослало в 400 магазинов Когиза печатные планы Новосибирского издательства, открыло прием заказов на книги, изданные в Новосибирске.

Подсчет показал, что Новосибирское отделение Когиза должно будет отдать своим соседям не менее 30 проц. книг, изданных в Новосибирске. Казалось бы, радоваться этому надо! Книга вышла за пределы области. Но по существующим порядкам эти книги не будут записаны в актив Новосибирского отделения, в его доход, в выполнение им плана продажи.

Вот почему книга Смердова не попадет в Кемерово и Новосибирск. Читатели Горной Шории не смогут прочесть книгу о своей родине, новосибирцы — книгу своего писателя.

Допустимо ли такое местничество? Нет! Не наше дело подсказывать Когизу, как изменить эти ненормальные порядки. Наша задача добиться, чтобы хорошую книгу о Сибири могли читать по всей стране Советов, чтобы книгу о Кавказе, Поволжье могли читать в далекой Чукотке и Азербайджане. Мы против тематического местничества, искусственно создаваемого Когизом. Надо изменить систему книгооборота, вывести на всесоюзный книжный рынок издания областных издательств.

**Глеб Пушкарев, А. Шатунова**—областная библиотека; **Л. Паршкова** — детская центральная библиотека; **В. Вергунова**—железнодорожная школа № 1; **Ив. Копаев**—ремесленное училище № 4; **К. Клименко** — библиотека имени Толстого и другие (следуют 13 подписей).

НОВОСИБИРСК.

---

# Архангельские «сидельцы»

Далекое беломорское побережье, край седой старины... Большое селение Ненокса. Пятьсот лет назад шведы сожгли Неноксу. Храбрые поморы отразили врагов и снова отстроили село. В наше время в Неноксе — крупный, зажиточный рыболовецкий колхоз!

У самого Полярного круга — деревушка Золотица. Здесь в рыбацком колхозе живет известная сказительница Марфа Крюкова. Дальше на север, за Мезенью и Печерой, — древний Пустозерский «острог», где сожжен был на костре замечательный писатель, упрямый протопоп Аввакум.

Везде по северным поморским селениям ныне живут и промышляют колхозники— рыболовы и зверобои. Моторный рыбацкий флот, механизированные орудия лова за годы советской власти пришли на смену примитивным способам добычи на промыслах. В деревнях выросли новые школы, клубы, библиотеки. Зажиточно живут сейчас поморы. Год от года растут культурные запросы рыбаков, лесорубов. Но беда, что отовсюду из отдаленных углов Архангельской области слышны жалобы на то, что туда не поступают в продажу книги. Избач из Лямцы Роман Латухин пишет, что деревни на побережье Онежской губы не охвачены книготорговлей, редко туда привозят книги.

Марфа Крюкова жалуется, что книгами у них на Зимнем берегу Белого моря не торгуют, и просит прислать книги ее «пропеваний», которых нет на родине сказительницы.

Да что говорить об отдаленных рыболовецких колхозах и лесопунктах, когда даже вблизи Архангельска, на бумажном комбинате, изготовляющем бумагу для восемнадцати книгоиздательств, несмотря на многократные просьбы рабочих, нет книжного киоска!

Из двадцати семи районов области только в одиннадцати есть киоски Союзпечати и магазины Когиза. Областное отделение Союзпечати имеет на формальном учете 530 почтовых отделений, которые вроде бы должны заниматься распространением литературы. Но они не распространяют книги по простой причине: распространять-то нечего, книг нет... Начальник Областного отделения Союзпечати тов. Абрамов говорит, что вместо книг ему в киоски прислали большое количество кинопленки для детских киноаппаратов, а вот аппаратов — ни одного!

Центральное управление Союзпечати направляет к нам на север книги по пчеловодству, птицеводству и тому подобную литературу, пригодную для районов средней и южной полосы.

Союзпечать не может договориться с конторой Когиза о совместном распространении книг Архангельского издательства.

Пора перестать «отсиживаться» в Архангельске, надо стряхнуть с себя лень, неповоротливость, бюрократическую спячку, пойти с книгами в район, к народу!

К. КОНИЧЕВ

АРХАНГЕЛЬСК.

---

Сергей МАРКОВ

# Есть на Мсте хороший город...

На карту своих будущих странствий я давно нанес новгородский город Боровичи. Каждому — свое! Боровичи привлекали меня, видимо, потому, что в окрестностях города родился Николай Миклухо-Маклай. Кстати сказать, место рождения великого путешественника было установлено в точности лишь в последние годы директором боровичского музея С. Н. Поршняковым. О Боровичах и Боровицких порогах приходилось читать в романе «Три страны света» Н. Некрасова и Н. Станицкого (А. Я. Панаевой-Головачевой). Неустанными трудами С. Н. Поршнякова теперь выяснены связи города и с такими людьми, как Радищев и Суворов, Пржевальский и Брусилов...

Сто семьдесят пять лет назад Боровичи были возведены в ранг уездного города. Ему был дарован замечательный герб — золотое солнце в лазури и окованный железом руль речного корабля. Нет спора, это очень красиво, но такой герб — уже прожитая городом история...

Сегодняшний день Боровичей—это огромный комбинат «Красный керамик», знаменитые огнеупорные глины, огромные каменоломни, где добывают известняк исключительного качества, угольные разработки, сплав древесины по быстрому руслу Мсты.

Боровичане — горячие патриоты родного города. Раньше я представлял себе Боровичи захолустным городком, вроде Старой Ладоги, Белоозера. Но я ходил по белокаменному городу, раскинувшемуся на высоком берегу Мсты, городу-красавцу с большими зданиями и прямыми улицами. Через Мсту перекинут сквозной металлический мост. Он украшен матовыми лампионами, и вереница белых круглых фонарей, начавшаяся у входа на мост, тянется вдоль широкой главной улицы...

От начала моста до берега Мсты, на когда-то пустопорожнем месте, у подножья мостовых ферм разбит новый сквер.

Не только центр города, но и боковые улицы и переулки украшены тротуарами из разноцветных керамических плит. Именно украшены, иначе нельзя сказать об этих гладких пешеходных дорогах. И много раз вам придется шагать по надписям на плитах. Надписи гласят, что тротуары из огнеупора проложены по почину общественности комбината «Красный керамик». Сорок тысяч тротуарных плиток изготовили из отходов рабочие.

Я иду по разноцветным плитам в центр Боровичей, над которым господствует здание театра с белыми колоннами, которое могло бы украсить любой областной город нашей страны. Здесь раскинулся большой сквер с густыми деревьями и цветущими газонами и клумбами.

Улицы Боровичей чисты. На тротуарах и мостовых нельзя увидеть мусора или окурков. Киоски, павильоны, помещения торговых и бытовых предприятий, заборы и кровли хорошо покрашены.

В чем же «секрет» образцового благоустройства рядового районного города страны? Все граждане принимают активное участие в преображении Боровичей. Председатель горсовета тов. Кузнецов — инициативный, энергичный работник. Ему помогают 86 уличных комитетов города, в которые входят 593 жителя, — рабочие, домохозяйки, интеллигенты. Например, по предложению председателя комитета улицы Калинина И. А. Умова, жители провели ремонт дороги, моста, тротуаров. На Новоселицкой улице трудящиеся посадили деревья, починили и покрасили заборы, калитки, ворота.

У Боровичей — огромные возможности дальнейшего расцвета. Местное сырье — великолепный материал не только для постройки пешеходных дорог, но и для ваяния статуй, ваз архитектурных деталей.

Ученые-керамики Боровичей трудятся сейчас над восстановлением забытого «секрета» производства пирогранита. Этот замечательный монолитный вид боровичской керамики изобрел когда-то местный гончар Матвей Никитин (Веселов).

Если тайна багряного пирогранита будет открыта вновь, наши зодчие, ваятели и художники получат бесценный материал. А сами Боровичи поставят тогда памятники, которых пока еще нет в городе, — изваяния Суворова, Миклухо-Маклая...

И, может быть, лет через десять путешественник, посетивший город над Мстой, будет спускаться к быстрой реке по пирогранитовым ступеням набережных, отражающих северное солнце...

БОРОВИЧИ.

---

# ОБИДНО ЗА РОДНОЙ ТАМБОВ

Сейчас лето—лучшая пора для благоустройства сел и городов, но у нас, в Тамбове, никто об этом не заботится. Любимое место отдыха тамбовцев — набережная реки Цны — представляет собой жалкую картину: вал осыпается, по аллее бродят козы, деревья и кустарник поломаны, скамеек нет.

Захочешь искупаться — располагайся на берегу: на реке нет ни одной купальни. А ведь прежде были здесь хорошо оборудованные пляжи. Есть, правда, две бани, но одна из них почти всегда закрыта из-за отсутствия топлива.

Существует в Тамбове трест зеленого строительства, но деревья, посаженные трестом, торчат вкривь и вкось и не огорожены. Улицы тамбовские позаросли травой, через канавы—ни одного мостка.

Около вагонного завода был великолепный парк, была эстрада, где по вечерам играл оркестр. Сейчас этот парк погиб — завален шлаком и заводскими отбросами.

За водой у колонок постоянные очереди. Бывает и так, что колонка сломается, и в течение недели, а то и больше, заливая тротуары, хлещет вода.

Мне больно за свой город, за то, что нет в нем настоящего хозяина-патриота. А как много можно было бы сделать, каким красивым и удобным стал бы Тамбов, если бы мобилизовать общественность, привлечь к большому делу благоустройства нашу молодежь.

К. РОДИОНОВ

ТАМБОВ.

---

Виктор ЧЕХОВ, Антти ТИМОНЕН

# *На обновленной земле*

**Многие годы Карелия была окраиной царской России, местом ссылок, «краем нехоженных троп, непуганных птиц».** Руны «Калевалы» — великого эпоса карело-финского народа — рассказывают о прошлой безрадостной жизни бедняков Карелии:

...А пастух берет хлеб черствый  
И сухую корку гложет,  
Овсяной грызет он хлебец,  
Хлеб с мякиной разрезает,  
Хлеб с'едает из соломы,  
Хлеб жует с корой сосновой...

Сказки, руны, причитания были спутниками народа, в них изливал он радость и горе. Но радости в те годы было мало. Поэтому больше слагались горестные причитания и сказки, в которых народ лишь мечтал о солнечном «сампо» — о счастье и о том, как его найти.

Но вот прошло больше 30 лет со дня Октябрьской революции и 25 лет со дня образования Карело-Финской республики. Бывший «край непуганных птиц», словно в народных сказках, преобразился неузнаваемо. Свою глухую лесную сторону карело-финский народ, при братской помощи великого русского народа, превратил в цветущую республику с мощной социалистической промышленностью и колхозным земледелием. На карельской земле возникли фабрики, заводы, крупнейшие комбинаты. Выросли целые города—такие, как Сегежа, Кондопога, с многоэтажными зданиями, театрами, клубами, больницами.

Народ стал хозяином «сампо» — своего счастья. Он строил хозяйство своей республики, свою новую культуру, получив для этого все возможности лишь в годы советской власти. Достаточно сказать, что до революции даже свой великий эпос — «Калевалу», известный далеко за пределами их родины, карелы не могли читать. «Калевала» в печатном виде дошла до карелов только после Великого Октября.

Новая жизнь необычайно подняла традиционные в Карелии формы народного творчества — фольклор. Но теперь это творчество выступило в новом качестве, с новым содержанием. Народ, обретший счастье, дождавшийся не воображаемых, а реальных героев, воспел их и прославил.

Когда-то потомственные сказители Т. Г. и И. Т. Рябинины пели былины об Илье Муромце, о Добрыне Никитиче. А их правнук — П. И. Рябинин-Андреев сложил былины о героях гражданской войны, о знатных людях республики. Знаменитый сказочник М. М. Коргуев, от которого записано более 400 сказок, создал былину «Про Чапая». Восьмидесятилетний сказитель Ф. А. Конашков, хранящий в памяти много старинных сказаний, сложил новые былины о Сталине и Ворошилове, о советских богатырях.

Народные певцы и сказители, храня классическое наследие прошлого, создают все больше произведений, отражающих нашу эпоху. Очень талантлива была недавно умершая сказительница А. М. Пашкова, она горячо откликалась на события новой жизни. Сказительница района Калевалы М. А. Ремсу тоже создала много песен и сказок, посвященных советской действительности. Сказительница Ф. И. Быкова, депутат Верховного Совета Карело-Финской ССР, ныне прославляет в своих сказах новую сталинскую пятилетку. Яркие былины о новой пятилетке создает М. К. Рябинин.

Только после Великого Октября мог встать вопрос и о литературе карельского народа.

Молодая литература Карелии встретила на своем пути много трудностей и испытаний. Буржуазные националисты пытались протащить враждебную, чуждую карело-финскому народу идеологию, всячески тормозили развитие национального по форме, социалистического по содержанию искусства. Потребовалась усиленная борьба за чистоту и идейность литературы. Путеводной звездой в этой борьбе служило для нас творчество великих русских классиков и мастеров советской литературы.

Первые книги карело-финских писателей рассказывали о том, как народ завоевывал свое счастье — «сампо». Писатели-революционеры — А. Нумми, поэт-рабочий С. Мякеля, поэт-лесоруб М. Руганен в стихах, в пьесах, очерках с большой силой осветили период революционной борьбы народа за советскую власть. Армас Эйкия, финский большевик, в стихах и поэмах создал яркие образы революционеров.

Несколько повестей и романов принадлежат перу А. Линевского. Особый интерес представляют его роман «Партизаны Беломорья», повествующий о борьбе против иностранных интервентов, и повесть «Тогда на Ладоге» — о боях с белофинскими захватчиками.

Основная тема творчества писателя С. Норина — социалистическое строительство республики. Герои его очерков и рассказов — советские люди, строившие заводы, сооружавшие Беломорско-Балтийский канал. Повесть С. Норина «На рубеже» и пьеса «Застава у Черного ручья» посвящены жизни советских пограничников.

Плодотворна работа поэта В. Гудкова, автора массовых песен, взволнованных и поэтичных, получивших широкое распространение в народе. В. Гудков — неутомимый собиратель замечательного карельского фольклора. Им записано, переведено на русский язык и обработано много песен, легенд и сказов. По мотивам «Калевалы» он написал драматическую поэму «Сампо».

Интересно творчество Т. Гуттари—поэта и переводчика. Стихи Т. Гуттари проникнуты чувством глубокой любви к родине.

Летом 1941 года запылали в пожарах войны города и села Карелии, построенные за годы советской власти. Больше чем половина территории республики было временно оккупировано немецкими и финскими фашистскими разбойниками. В эти тяжелые годы писатели были вместе со своим народом — на переднем крае жестокой борьбы с врагом. В первые же дни войны, защищая родину с оружием в руках, погиб один из популярнейших поэтов республики Иван Кутасов, автор поэмы «Две жизни» и многих стихов. В партизанских отрядах, в частях Советской Армии, в редакциях фронтовых газет было большинство писателей.

К 1945 году они оказались на самых различных фронтах, во многих странах. Одни дошли до Берлина, другие кончали войну на Дальнем Востоке — в Маньчжурии и Корее. И на фронтах они продолжали творческую работу. Н. Клименко, еще будучи на Украине военным корреспондентом, работал над повестью о белозерских подпольщиках. А. Иноземцев служил в пограничных войсках и писал роман о советских разведчиках «Белые ночи». Школу войны прошли и авторы этих строк. В. Чехов написал роман «На правом фланге» — о пограничниках Карелии. А. Тимонен, находясь в Австрии, начал работу над повестью «От Карелии до Карпат», а цикл очерков «По Европе» закончил в Румынии.

За годы войны выросли и новые писатели — Я. Ругоев, Н. Яккола, Ф. Трофимов, Л. Греплунд, А. Иванов. В очерках, рассказах, стихах они отражали героику фронтовых будней и самоотверженного труда своего народа в тылу.

Война принесла республике неисчислимые бедствия. Фашистские захватчики разорили многие города и села, разрушили заводы, бумажные комбинаты.

После победы трудолюбивый карело-финский народ с воодушевлением взялся за восстановление хозяйства. В гигантскую стройку включились и писатели. Новый под'ем их творческой активности вызвали решения ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства. Произошел серьезный поворот к темам современности, появились произведения, посвященные послевоенному строительству: пьеса Я. Ругоева «Огни Марикоски» — о строителях электростанции, повесть Ф. Трофимова «Электропильщики» — о новаторах-лесорубах, поэма Б. Шмидта о пятилетнем плане республики. Вместе с тем продолжается работа над новыми книгами о Великой Отечественной войне.

Можно сказать, что наша молодая литература сейчас на под'еме. Но она—это трезво сознают писатели — еще очень отстает от бурной, стремительной жизни своей республики, своего народа. Совершенно обновилась земля Карелии, огромны преобразования, совершенные на ней, сказочен духовный рост ее преобразователей. Ведь еще 25 лет назад люди не видели здесь машин, ели сосновую кору вместо хлеба, лечили друг друга «святой водой». Теперь эти же люди, их дети строят электростанции, работают на предприятиях, оснащенных самой передовой техникой, живут в благоустроенных домах, ездят в собственных автомашинах. Среди них многие тысячи мастеров труда — стахановцев-новаторов, инженеров, ученых.

Наша литература еще далеко не отражает чудодейственный процесс роста этих людей. В творчестве писателей много недостатков. Иной раз появляются произведения идейно неполноценные, недоработанные, малохудожественные. Есть писатели, которые плохо изучают жизнь. Они все еще описывают Карелию, как некий экзотический об'ект, не замечая происшедших и каждодневно происходящих в ней изменений.

Образ нового советского человека, победившего фашизм, сделавшего свою страну могучей, непобедимой, должен стать центральным образом наших произведений. Это и будет нашей главной задачей в дальнейшей борьбе за партийность, за высокую идейность литературы.

---

## *По следам неопубликованных писем*

* * *

Редакция «Литературной газеты» получила письмо читателя тов. Соломина, сообщающего, что в Бабушкинском районе Вологодской области не чтут памяти И. В. Бабушкина, именем которого назван район. Это письмо было направлено в Вологодский обком ВКП(б).

Секретарь Вологодского обкома тов. Карташов сообщает редакции:

Вологодским обкомом ВКП(б) и Бабушкинским райкомом партии принимаются меры к устранению недостатков, отмеченных в письме тов. Соломина.

Партийным кабинетом и культпросветучреждениями района будут проведены лекции и беседы для населения, оборудуются выставки, посвященные жизни и революционной деятельности большевика-ленинца И. В. Бабушкина.

Из областной библиотеки в Бабушкинский район направляется специальная библиотечка-передвижка. В Вологодском и Тотемском музеях оборудуются стенды, посвященные И. В. Бабушкину.

* * *

Читатель нашей газеты тов. **В. Казаков** прислал в редакцию письмо, в котором жаловался на то, что за разоблачение антигосударственной деятельности, имевшей место в рудоуправлении Сулюкта, входящем в систему Министерства угольной промышленности восточных районов СССР, его уволили с работы.

Редакция сообщила об этом факте секретарю Ошского обкома коммунистической партии (большевиков) Киргизии.

Заместитель секретаря Ошского обкома тов. Юлир сообщает:

Казаков В. В. по указанию обкома приказом управляющего рудоуправлением Сулюкта 3 июня был восстановлен в должности заведующего лесным складом. 28 июня, по личной просьбе Казакова, он назначен ревизором движения транспортного отдела этого же рудоуправления.

Сигналы Казакова о жульничестве отдельных работников рудника Сулюкта подтвердились. Виновные привлечены к уголовной ответственности.

Борис СОЛОВЬЕВ

# Догматические построения и литературная действительность

**До сих пор на развитии нашей критической и литературоведческой мысли отрицательно сказывается разрыв между теорией и литературной практикой.**

Есть немало статей, в которых тонкий и проникновенный анализ художественных особенностей данного произведения не сочетается с широкими обобщениями и выводами, существенными для развития всей нашей литературы в целом. Но есть и немало таких статей, в которых вопросы, связанные с методом социалистического реализма, рассматриваются слишком отвлеченно, умозрительно, доктринерски.

Именно в этой связи, на мой взгляд, следует остановиться на статье Б. Бялика «Героическое дело требует героического слова» (журнал «Октябрь», № 2, 1948 г.).

Мы знаем Б. Бялика, как серьезного литературоведа, работы которого имеют существенное значение для изучения творчества Горького. В его статье, о которой идет речь, есть немало интересных и ценных соображений, связанных с творчеством Горького, с работой Горького над повестью «Мать», хотя и здесь, так же, как и в ряде других статей Б. Бялика, исследователь делает слишком сильный акцент на романтических тенденциях творчества Горького, явно недооценивая тенденции реалистические.

Статья эта грешит отвлеченностью, догматизмом, породившими весь ход и характер аргументации.

Горьковскую романтизацию образов революционеров, действовавших на фоне дореволюционного русского общества, раздираемого классовыми противоречиями, Б. Бялик возводит в единственно незыблемый принцип и для изображения деятелей нашего времени, живущих и действующих в новом социалистическом обществе.

Не раскрыв конкретных особенностей романа А. Фадеева «Молодая гвардия», его реальных достоинств и существенных недостатков, Б. Бялик механически переносит художественные закономерности романа «Мать» на «Молодую гвардию» и пытается навязать нам представление о том, что дальнейшая переработка «Молодой гвардии» должна итти совершенно в том же направлении, что и переработка романа «Мать», осуществленная Горьким.

«В чем заключается творческая сущность недостатков «Молодой гвардии»? — спрашивает Б. Бялик. — Попробуем на примере образов Шульги и Валько выяснить, в чем же была ошибка Фадеева, как художника: в том, что он слишком приподнял некоторых своих героев, или в том, что он недостаточно их приподнял? В том, что в некоторых образах оказалось слишком сильным романтическое начало, или в том, что в этих образах оно оказалось недостаточно сильным?»

Б. Бялик приходит к выводу, что недостатки образов Шульги и Валько из «Молодой гвардии» сводятся к тому, что «Фадеев недостаточно приподнимал своих героев-коммунистов», «недостаточно романтизировал этих героев...»

Так ли на самом деле? Действительно ли образы героев-коммунистов «Молодой гвардии» не удовлетворяют нас именно потому, что они недостаточно «приподняты» и «романтизированы»?

Нет, дело в другом: образы героев-коммунистов в романе не стали живым олицетворением партии; не показана их вдохновляющая и организующая роль. Они не показаны в действии, в подлинной борьбе и в действенном руководстве.

Этих недостатков не может возместить никакая степень романтизации образов Шульги и Валько.

Вообще для Б. Бялика понятие романтизм звучит чересчур универсально и всепоглощающе. В нем тонут очертания реальной действительности. «Приподнимай», «романтизируй», «мечтай» — вот призывы, с которыми Б. Бялик обращается к писателям, полагая, должно быть, что в этом главное, а все остальное приложится.

При этом Б. Бялик не подчеркивает необходимость глубоко изучать практический повседневный героический труд нашего народа. А без этого его призывы носят отвлеченный, доктринерский характер и поэтому не способствуют верному решению задач нашей литературы. Эпиграфом к статье «Героическое дело требует героического слова» Б. Бялик ставит слова А. М. Горького: «Основное назначение искусства — возвыситься над действительностью...» Горький имел в виду необходимость для писателя увидеть в реальной сегодняшней действительности ее завтрашний день, он требовал от художников умения «возвыситься» над случайным, нехарактерным и видеть главное в жизни, ведущее, то, за чем стоит будущее. У Бялика же получается, что писатель должен возвысить самую действительность, или, выражаясь излюбленным словом критика, «приподнять» ее. Неужели же литература не может реалистически изображать нашу действительность, но должна непременно «приподымать», возвышать ее, приукрашивать? Такое утверждение могло явиться только у того, кто отвернулся от живой жизни и не замечает кипучей и, по самой природе своей, без всякого приукрашивания, подлинно романтической борьбы вдохновенных созидателей коммунизма.

Доказывая непогрешимость своей догмы, Б. Бялик не останавливается ни перед чем. Без обиняков, без какого бы то ни было подтверждающего анализа, он говорит, что сама наша эпоха потребовала нового усиления романтического начала в реализме. И именно такой реализм, — с «усиленным романтическим началом», — становится по Бялику уже не индивидуальным стилем писателя, но единственно верным творческим методом.

«Если говорить не о стилях, — пишет Б. Бялик, — а о творческом методе, то надо сказать, что «Молодая гвардия» написана именно так, как мог и должен был написать ее в новый исторический период автор «Разгрома», если он хотел остаться верным своим реалистическим принципам».

Из этой формулы выходит, что другие произведения современной литературы, написанные иначе, чем «Молодая гвардия», то-есть не подчиненные «усиленному романтическому началу», не соответствуют творческому методу социалистического реализма.

Спору нет, «Молодая гвардия» — выдающееся произведение, отмеченное при этом яркими чертами индивидуального стиля. Но только ослепление догмой может привести к тому смешению индивидуального стиля с общим методом, который мы находим в работах Б. Бялика.

Б. Бялик не видит своеобразия «Молодой гвардии», когда рекомендует перерабатывать ее в том же самом направлении, в каком Горький перерабатывал повесть «Мать», он не видит и того, как многообразна и богата литература социалистического реализма. Ее нельзя ориентировать на один образец, как бы хорош он ни был сам по себе.

Догматизм концепции, лежащей в основе статьи Б. Бялика, выразился в том, что закономерности, якобы открытые им в связи с анализом переработки повести «Мать», он автоматически перенес на обладающий своими закономерностями и особенностями роман «Молодая гвардия» и, в свою очередь, с «Молодой гвардии» — на всю советскую литературу. А в результате, не изучив конкретно и основательно современной литературы, нужд и потребностей ее развития, он пришел к ложным выводам и неверным обобщениям.

Потому-то статьи Б. Бялика, посвященные современной литературе, носят слишком поверхностный и бездоказательный характер.

Это сказалось уже и на тех определениях природы реализма, которые содержались в статье «Горький и социалистический реализм», напечатанной в сборнике «Проблемы социалистического реализма» («Советский писатель», 1948 г.). Схоластически охарактеризовав реализм в русской литературе начала XX века, как «начало критическое», а романтизм, как утверждающее начало, Б. Бялик настаивает на механическом привнесении романтических элементов в творческий метод советской литературы, не замечая того, что в действительности романтика у нас давно уже не противостоит реализму, но стала неот'емлемой его органической частью.

Ошибки этой статьи не изживались Б. Бяликом, но еще более усугублялись в последующих его работах, как это доказывает статья, напечатанная в журнале «Октябрь».

И поныне есть у нас немало литературоведов, полагающих, что к разрешению проблем и задач современной литературы можно подойти на основании опыта литературы прошлого, с помощью догматических, отвлеченных положений. Такие представления мешают развитию нашей науки о литературе, уводят ее в сторону от решения больших задач советской литературы. Это — явление далеко не единичное; вот почему мы сочли необходимым остановиться на статье Б. Бялика, весьма характерной в этом отношении.

Мариэтта ШАГИНЯН

# Нет «местного», — есть общее!

Перед правлением Союза советских писателей уже лет пять подряд возникал вопрос о русских литераторах, живущих в национальных республиках: казалось все более необходимым об'единить их и работать с ними, примерно, так, как работала областная комиссия с писателями, живущими в областях. Наконец, секретариат ССП принял решение — преобразовать областную комиссию во всесоюзную.

Первым шагом преобразованной комиссии был план нескольких конференций: для Севера — в Ленинграде; для Дальнего Востока — в Хабаровске; для пяти среднеазиатских республик — в Ташкенте; для трех закавказских — в Тбилиси.

Опыт конференции русских писателей Средней Азии, проведенной недавно в Ташкенте, оказался очень поучительным. На конференцию с'ехались делегаты республик Киргизской, Казахской, Узбекской, Туркменской и Таджикской, по нескольку человек от каждой. Писатели получили возможность поговорить в профессиональной аудитории, поделиться творческим опытом, услышать нелицеприятную, требовательную критику. Чувство важного общественного дела, творческий под'ем охватили нас всех с первых часов конференции. Участников было не больше сорока, а зал, где происходила конференция, рассчитанный на двести с лишним человек, был переполнен. Местная интеллигенция — учащиеся, библиотечные работники, журналисты — были нашими неизменными гостями.

Первое, что мы узнали и почувствовали, как некий предварительный результат конференции, были сами люди, которых мы раньше знали только по фамилиям.

Об'ем произведений этих писателей, характер их выступлений дали нам некоторое общее представление о том, как вообще складывается деятельность русского писателя, живущего в национальной республике.

Прежде всего (и это естественно и нужно!) он участвует в цементировании дружбы между тем народом, среди которого живет, и русским народом, становясь, как общее правило, либо переводчиком, либо комментатором, составителем подстрочников, очеркистом, приближающим к русскому читателю национальную литературу республики, ее прошлое, ее сегодняшние важнейшие темы. Огромна в этом отношении его роль, и жаль, что мы ее мало знаем и учитываем. А. Аборский и Г. Веселков в Туркмении, С. Сомова, В. Мильчаков, В. Липко, М. Салье в Узбекистане, Д. Снегин в Казахстане, П. Балтин в Киргизии и многие другие серьезно и постоянно трудятся в этой области.

Чтобы поставить свою работу на прочные основы, русским писателям братских республик необходимо более полно овладеть национальными языками, что и не так уж трудно, когда живешь среди народа, говорящего на этом языке. Секретариат ССП широко пошел навстречу тем, кто хочет изучить язык, обещав еще до открытия конференции выделить средства на организацию специальных курсов по языкам национальных республик.

Вторая особенность работы русского писателя в среднеазиатской республике — это его помощь республиканским русским театрам и киноорганизациям. На примере Н. Кладо из Таджикистана можно проследить, как писатель силою обстоятельств вовлекается в драматургию, пишет текст для опер и оперетт, используя для этого свое знание местного материала.

Надо сказать, что и в первом, и во втором случаях (как переводчик и как драматург) русский писатель в отдаленных республиках невольно подчиняет свою работу узко-местным интересам, чему, кстати сказать, неизменно способствует и критика, очень мало и очень нетребовательно подходящая к этой работе. Иногда получаются даже курьезы с критикой: она вдруг обретает и крылатость, и остроту, и силу, и принципиальность, она показывает большое знание предмета, становится необычайно смелой, если ей надо обсудить работу «чужого» (не местного) писателя о данной республике. Так было с критикой романа П. Лукницкого «Ниссо», написанного о Таджикистане, — критик сумел увидеть условность этого романа, отметить его фальшивую романтическую «красивость».

Но, странным образом, общая, принципиальная постановка вопроса, общий подход тотчас же исчезают у критиков, как только они касаются «своих» авторов. Критерии тотчас укорачиваются, «аршин», на который меряется произведение, становится какой-то местной единицей меры, имеющей обращение в очень узком кругу. Отсюда — ограниченный анализ, суженное восприятие работы писателя и, как неизбежное следствие этого, прибеднение и самого писателя, его сознания, его отношения к себе.

На конференции разгорелся жаркий спор о том, на какую тему должен писать русский писатель, живущий в Средней Азии, — на «местную» или на «общую». Руководители русских секций настаивали на местной теме, кое-кто резко выступал против, считая, что писатель имеет право, живя, скажем, в Алма-Ата, писать о Таганроге.

Но в самой постановке вопроса, в самом характере спора было нечто неверное и недодуманное. В нашей стране «местных» тем нет и не может быть. Мы живем единой социалистической культурой, мы всею семьей республик идем к коммунизму, нас волнуют общие радости и трудности. И важно для каждого из нас, где бы он ни жил, показать на материале родной ему республики, области, района, завода, города, деревни единое и общее содержание нашего труда и нашей борьбы. Иначе сказать, любой местный материал, любой, самый маленький мирок, взятый нами для постановки и разрешения темы, должен засветиться, пронизаться, быть поднятым этою общей большой принципиальностью нашего подхода к теме. Можно дать общесоюзную вещь, написав о глухом районе самой отдаленной республики, и можно сделать обывательскую вещь, не интересную даже для своей улицы, плохо написав о Москве, — это ведь азбучная истина.

Когда нашей бригаде из шести человек (С. Бородин, А. Карцев, С. Трегуб, О. Берггольц, В. Инбер и я) пришлось прочитать подряд большое количество книг и рукописей среднеазиатских писателей и мы глубже разобрались, что и почему у них плохо, что и почему более удачно, — нам эта азбучная истина вспомнилась не один раз.

Мы заметили, что, как правило, лучшие вещи (и в стихах, и в прозе) все еще относятся к военному времени, к опыту, пережитому авторами в годы Отечественной войны. Если захочешь отобрать у каждого из них его лучшее произведение, то оно непременно будет на тему о войне. Почему военные вещи гораздо сильнее вещей, посвященных труду и послевоенной пятилетке? Большое, единое для всего советского народа переживание дала писателю война; он участвовал в ней вместе с миллионами наших людей, он поднял свое сознание до большой, общегосударственной высоты, потому что знал и чувствовал, как любая маленькая задача, любой эпизод, описанный его пером, вливаются в огромную общую задачу войны, и эта пронизанность общим помогала ему правильно поставить свою тему. Национальное, местное отнюдь не отодвигалось, но осознавалось с общегосударственной высоты. Д. Снегин писал о родной для Казахстана теме — о панфиловцах, но фронтовой опыт помог ему подойти к ним не с узкого берега «местной» темы; А. Аборский пишет в лучшем своем рассказе о туркмене, но эпизод любви туркмена к русской девушке рассказан на таком теплом фоне отношений между фронтовиками, что вы невольно чувствуете глубину дружеской связи народов нашей родины, и тема перемещается из области частного в область принципиально нового, общесоветского.

Между тем, очерки и рассказы, посвященные колхозам и заводам, кажутся, за малым исключением, совершенно беспомощными и часто фальшивыми. Общее, единое, на фоне которого должен выступить сюжет рассказа, здесь и не ночевало. Каким-то обрубленным оказывается кругозор писателя, лишенными самостоятельной мысли — его описания, взятыми на прокат — выводы и сравнения, все обращается, как в порочном кругу, вокруг очень короткого радиуса местной, подчас даже ведомственной задачки: дать портрет такого-то стахановца, дать описание такого-то завода, рассказать о выполнении обязательства на такой-то шахте. Работа вне связи с общим трудовым подвигом всего советского народа, без всякой связи с общими задачами пятилетки, оторванная от всего массива нашей страны. Словно писатель от всего оторвался, и под ногами у него — лишь пядь земли, на которой умещается лист бумаги и одинокое описываемое явление.

Странным образом то чувство государственности, та высота сознания, какими силен был среднеазиатский русский писатель в военной книге, совершенно отсутствуют у него при подходе к теме труда. А ведь пятилетка, творимая в великом напряжении всеми нашими народами, — глубоко увязанная, органически взаимозависимая во всех своих частях и разветвлениях, величайшая государственная задача, и художник чувством своим, не говоря уж о сознании, мог бы уловить эту связь, это единство, чтобы при помощи его поднять свой труд до высоты обобщения.

Над этим надо серьезно подумать. Надо, чтобы писатель, где бы он ни жил, на каком бы языке ни писал, не сходил с позиций общесоюзного понимания больших тем, чтобы он слитно со всей страной мог переживать единство общественных, хозяйственных, культурных процессов, происходящих в нашем новом мире, и чтобы он в любой теме, на любом узком материале ставил и разрешал вопросы партийно. Как никогда и нигде, следует помнить русскому писателю, живущему в братских национальных республиках, слова Ленина о литературе, как о части общепролетарского дела.

Слитно и целостно должны мы ощущать свою Родину и ее великую работу, чтобы горизонты книг наших были широкими горизонтами, чтобы дороги их были ведущими дорогами, мысли их — обобщающими и передовыми мыслями. А для этого надо и знать вместе с народом, и чувствовать вместе с народом, и тягу великого движения к будущему делить с ним в труде, как делили ее на фронте.

*ЧИТАТЕЛИ О КНИГАХ*

## Что-то слышится чужое...

А мы скажем-споем, гусляры-соловьи,
Как, столы окружая, гремели скамьи...
Когда написаны эти строки?

Или такие:

Привечаем! — кричали. — Начнем пировод;
За старинный и вечный российский народ!

XVIII век? XIX век? Нет, это — стихотворение Николая Тряпкина «Колхозная пирушка», опубликованное в 4 книге журнала «Октябрь» (1948 год).

Читаешь это произведение, и с первых же строк появляется ощущение чего-то старого, с детства знакомого. Этому нисколько не мешают современные понятия: «колхозная пирушка», «район», «провода», «заем», «колхоз». Эти слова тонут в архаичных виршах, весь строй и язык которых уводят к седой древности, когда «Русь начинал еще царь Берендей» (его не забыл, разумеется, помянуть поэт Тряпкин). И телеграфные провода у Тряпкина — это «гусли», и народ — не русский, но обязательно «российский», и говорят-то крестьяне Тряпкина словами, забытыми в колхозной деревне («привечаем», «пировод», «сельский наш корень»).

И по-моему, совсем не случайно в одном месте стихи Н. Тряпкина почти дословно совпадают со стихотворением А. Кольцова, написанным более ста лет назад.

В «Колхозной пирушке» Тряпкина (год 1948):

Гости пьют и едят, меж собой говорят
Про хлеба, про покос, про любимый колхоз...

В «Крестьянской пирушке» А. Кольцова (год 1830):

Гости пьют и едят,
Речи гуторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку...

«Старинушки» в стихотворении Н. Тряпкина более чем достаточно. И пирушка у него та же, и меню то же (гусь, мед, пирог), и гости те же, хоть названы они колхозниками.

Так еще раз подтвердилась старая истина: нельзя о сегодняшней советской деревне писать берендеевским языком.

**Подполковник А. БАБУШКИН.**
ЧЕЛЯБИНСК.

Н. БЕЛЬЧИКОВ

# Навстречу грядущему

(К 120-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского)

**Николай Гаврилович Чернышевский оказал огромное, плодотворное влияние на все развитие нашей передовой демократической и социалистической культуры. Традиции великого русского революционера живы и обладают творческой силой и в наше время. Слово Чернышевского и сейчас учит высокой идейности и непримиримости, помогает разоблачать буржуазный либерализм.**

Тов. А. А. Жданов говорил в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград»: «Известно, что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследства прошлого».

Традициям Чернышевского в этом наследии принадлежит особенно значительная роль. Чернышевский выступил на историческую арену в годы, когда, по словам Ленина, «революционный взрыв» был вполне возможен. Все свои силы Чернышевский направил на то, чтобы воспитать в революционном духе разночинную интеллигенцию и революционизировать народные массы. Неутомимо, с беспощадной последовательностью боролся он за революционное преобразование России. Взгляд его был обращен к будущему.

В. И. Ленин писал, что Чернышевский умел и подцензурными статьями «воспитывать настоящих революционеров».

Он был «замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм» (Ленин).

Чернышевский разоблачал защитников капитализма — представителей вульгарной политэкономии. Прудона он называл «одним из прогрессивных глупцов», критиковал Луи Блана, Мальтуса. Бастиа он прямо высмеивал за лженаучный, буржуазный характер его утопии.

Великой заслугой Чернышевского является то, что он вел непримиримую борьбу с либерализмом — как русским, так и западноевропейским. Великий революционный демократ правильно разглядел в российском либерализме опасного врага революционной демократии.

В статьях 1858 года Чернышевский вскрыл расхождения между либералами и демократами, указал на непримиримость позиции и тактики этих двух партий. «У либералов и демократов существенно различны коренные желания, основные побуждения. Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве, с одной стороны уменьшить силу и богатство высших сословий, с другой дать более веса и благосостояния низшим сословиям... Напротив того, либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям...»

Демократические устремления привели Чернышевского к мысли о крестьянской революции, как о неизбежном, необходимом средстве борьбы против феодально-крепостнического гнета и бесправия народа. То, что он признавал значение таких мыслителей, как Сен-Симон, Фурье, Роберт Оуэн, не помешало ему возвыситься над ними и критиковать Сен-Симона за его ошибочную гипотезу мирного перехода к социализму. Он упрекал Адама Смита за апологию капитализма, за равнодушие к пролетариату, за ограниченность его мысли пределами буржуазного строя. Он смотрел вперед и предвидел неизбежность смены общественного строя. Правда, ограниченный историческим моментом, он ждал, что крестьянская революция принесет России возможность социалистического переустройства. Но, ошибаясь в этом, он все же справедливо указывал, что социалистический строй осуществим только при условии сосредоточения земли и капиталов в руках народа.

В философии он ниспровергал идеализм. Будучи революционным демократом, Чернышевский пошел дальше Фейербаха в своих философских воззрениях. Он был сторонником революции и классовой борьбы — горел желанием изменить существующий строй, а не только наблюдать и созерцать, как Фейербах. Он правильно подходил к об'яснению ряда важнейших вопросов общественной жизни, шел по пути к историческому материализму.

Но исторические условия России того времени не дали ему возможности подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса, до материалистического понимания истории. Об'ясняя общие причины развития общества, он отводил ведущую роль умственной деятельности людей, как основе исторического прогресса.

Продолжая материалистические традиции, идущие от Ломоносова, Радищева, декабристов и Белинского, он обосновал систему эстетики на базе материализма, опередив, таким образом, западноевропейскую мысль.

Когда в 1861 году на художественном конгрессе в Антверпене Курбе заявил, что он первый в Европе поднял знамя реализма, русский критик В. В. Стасов ответил ему: «У нас то же самое началось... без шума и без грохота на весь мир, и... без заимствования откуда бы то ни было...»

В России были свои критики и философы, могучие, смелые, самостоятельные и оригинальные, шедшие, невзирая на иные заблуждения свои, дальше многих европейских философов.

В своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855 г.) Чернышевский утверждал, что источником искусства является жизнь, что оно есть воспроизведение жизни, и в этом его сущность. В то же время оно воздействует на жизнь, дает об'яснение ей и произносит приговор над ее явлениями.

Эта новая материалистическая эстетика, выступавшая с принципиальной непримиримостью против идеалистического понимания искусства, боровшаяся за реализм, явилась, по существу, и критикой основ тогдашнего строя. Она была ярким протестом, знаменательным фактом в освободительном движении России.

Чернышевский был решительным и непримиримым врагом теории «искусства для искусства». Он показал классовые предпосылки этой теории: «Приверженцы так называемого чистого искусства, — писал он, — ...заботятся вовсе не о чистом искусстве, независимом от жизни, а, напротив, хотят подчинить литературу исключительно служению одной тенденции... Дело в том, что есть люди, для которых общественные интересы не существуют, которым известны только личные наслаждения и огорчения».

Идеи эстетического трактата Чернышевского оказали огромное влияние на все русское искусство и литературу второй половины XIX века. На них выросла целая школа писателей — Некрасов, Салтыков-Щедрин, Помяловский, Успенский, Решетников и многие другие. Творчество «Передвижников» и «Могучей кучки» вдохновлялось идеями Чернышевского.

Не менее замечательна и поучительна его литературно-критическая деятельность. В первых же своих выступлениях он не только установил плодотворные принципы критики (реализм, историзм, идейность), не только заново показал, в чем заключается непревзойденное значение Белинского, но и с нескрываемым гневом говорил об отсталости и косности, о застое и эпигонстве в литературе. В статье «Об искренности в критике» (1854) молодой Чернышевский выступил против снижения идейного уровня критики. Он настаивал на огромном общественном значении ее: «Критика достойная своего имени пишется не для того, чтобы господин критик щеголял остроумием, не для того, чтобы доставить критику славу водевильного куплетиста... Остроумие, едкость, желчь, если ими владеет критик, должны служить ему орудием для достижения серьезной цели критики — развития и очищения вкуса в большинстве его читателей, должны только давать ему средство соответственным образом выражать мнения лучшей части общества». «...Уклончивость и мелочность не во вкусе русской публики, нейдет к живым и ясным убеждениям, которых требует совершенно справедливо от критики наша публика».

Еще с юных лет Чернышевский стремился к тому, чтобы русская культура завоевала всемирно-историческую роль и признание. Он был великим патриотом, непоколебимо верил в могучие творческие силы русского народа.

Обладая удивительным даром необычайно ясно и просто излагать самые сложные политические вопросы, Чернышевский хорошо иллюстрировал свою мысль о том, что буржуазная «политическая свобода» на Западе, восхваляемая либералами, на деле означает бесправие народных масс в буржуазном обществе.

«Ни мне, ни вам, читатель, — писал он, — не запрещено обедать на золотом сервизе; к сожалению, ни у вас, ни у меня нет, и, вероятно, никогда не будет средств для удовлетворения этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что ни мало не дорожу своим правом иметь золотой сервиз, и готов продать это право за один рубль серебром или даже дешевле. Точно таковы для народа все те права, о которых хлопочут либералы». Таким образом, Чернышевский приводит своих читателей к выводу о том, что буржуазная «свобода» — всего лишь «отвлеченное право», «разрешение на бумаге».

Либеральное западничество с его космополитизмом, низкопоклонством перед зарубежными буржуазными порядками Чернышевский называл той «умственной дремотой, тем отрицанием современных убеждений, которое часто прикрывается эгидою верности западной цивилизации, причем под западною цивилизацией понимаются чаще всего... факты, наиболее прискорбные в западной действительности».

В своей замечательной статье «Литературная собственность» Чернышевский задумывался о том, как «связать литературу с жизнью», как освободить литературное дело от присущего ему в буржуазном обществе «материального характера», обусловленного погоней за заработком, как дать возможность публицисту непосредственно обратиться к народу.

Ничто не могло поколебать веру Чернышевского в будущее торжество народа, в то, что народы России проникнутся передовыми идеалами и завоюют себе счастливую жизнь. Лучезарными красками рисовал он в «Что делать?» будущую новую Россию.

Любимые герои Чернышевского, обрисованные им в «Что делать?», обладают сильными чертами русского народного характера — ясным умом, стойкостью, выносливостью. Эти черты соединяются в них с революционной сознательностью.

Особенность подлинно великих и подлинно прогрессивных исторических деятелей Чернышевский видел в их даре «предусматривать зарю грядущего дня». Эта черта в высшей степени была присуща самому Чернышевскому, которого товарищ Сталин назвал среди величайших гениев великой русской нации.

*ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЕЙ*

# ПО ГИТЛЕРОВСКОМУ ОБРАЗЦУ

Что происходит в Америке?

После Рузвельта к власти пришли упитанные джентльмены с Уолл-стрита, пытающиеся установить в этой стране политический режим, который по чести и по совести иначе не назовешь, как фашистским.

Пресловутая комиссия по расследованию антиамериканской деятельности превратилась в глазах любого здравомыслящего человека в посмешище, в глупую и гнусную пародию на суд и следствие.

Последние известия из Вашингтона и Нью-Йорка рядовому советскому человеку могли бы показаться диким бредом, сенсациями, поразительными по своей трагической нелепости, если бы у него не было исторического опыта последних двух десятилетий. Ибо слишком свежа для всех нас память об образовании в Германии фашистского государства, слишком отчетливо стоят у нас перед глазами этапы черного пути Гитлера, от поджога рейхстага до речи в ночь на 22 июня 1941 года, слишком тяжело врезалось все это в сознание нашего поколения, чтобы можно было в чем-нибудь обмануться, что-нибудь проглядеть сегодня!

Аналогия — не доказательство, сравнение — не довод. Но Вашингтон сороковых годов нашего века похож на Берлин тридцатых годов, как близнец. Жуткое и поучительное сходство. Тот же метод. Та же фразеология. Гангстеры беспардонны в плагиате, как и во всем другом.

События последних дней наводят на очень серьезные размышления. Только что прозвучал предательский выстрел из-за угла в Риме в Пальмиро Тольятти, а через пять дней на другом конце земного шара, за много тысяч километров от Италии, у ног секретаря компартии Японии Токуда Кюици взорвалась брошенная с балкона ручная граната. И вот не прошло и трех дней, как на другом материке, отделенном от Италии Атлантикой, а от Японии—Великим или Тихим океаном, пришла в движение полицейская машина, и лидеры компартии Америки были арестованы.

Все эти события говорят сами за себя. Любой невооруженный глаз различит направляющую руку. Ведь еще 25 мая иностранная комиссия палаты представителей США опубликовала «Список пятисот шести», услужливо перечисляющий всех передовых деятелей мировой демократии, своего рода справочник для наемных убийц. Преступники с Уолл-стрита не слишком заботятся заметать свои следы. Пожалуй, наоборот, они даже заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать рычаги и рубильники, действующие на любом расстоянии, на запад и на восток одинаково. Доллар не пахнет. Телетайпы херстовских молодчиков трещат во всех грязных притонах мира.

Пропагандистская машина поджигателей мировой войны действует с американской деловитостью. Всякого рода шумахеры и блюмы слагают дифирамбы в честь жезательной резины и резиновых дубинок. Щеголеватые молодчики в форме американской армии, не боясь замарать честь мундира, спекулируют на черных рынках сигаретами. В Ватикане поют мессы. В Лондоне пресмыкаются. В Палестине бомбят. В Мадриде вешают. В Греции рубят головы. Это «план Маршалла» в действии.

Провокации последних дней были своего рода разведкой боем, демонстрацией на флангах. Их цель ясна: запугать. Ведь им предстоят немалые домашние заботы. Не за горами президентские выборы. Мистер Трумэн и особенно те, которые стоят за его спиной, сильно обеспокоены. Им уже сегодня не спится. Земля горит под ногами у воротил с Уолл-стрита, — вот в чем разгадка того, что происходит сегодня в Америке.

Тяжеловесные доты долларовых дельцов прочно вросли во всю хозяйственную жизнь Америки, но они не так уже прочны, как это может показаться. История знает свое дело. Она это не раз уже доказала.

Гнев и негодование возбудили в нас последние события в Италии, Японии и Америке. Гнев и негодование — наш ответ на эти гнусные провокации, на чудовищные, злодейские преступления против совести человечества.

Павел **АНТОКОЛЬСКИЙ**

# ПЛАГИАТ

Рис. Бор. ЕФИМОВА



# УРЯДНИК ИЗ ЦИНЦИННАТИ

Чеховский отставной урядник из дворян Василий Семи-Булатов, доживая остаток жизни в своем имении, совершил скромное открытие: «День зимою оттого короткий, что подобно всем прочим предметам видимым и невидимым от холода сжимается и оттого, что солнце рано заходит, а ночь от возжения светильников и фонарей расширяется, ибо согревается». Иначе говоря, Семи-Булатов в качестве первопричины многих событий смело выдвигал температурный фактор.

У Василия Семи-Булатова неожиданно нашлись последователи в среде американских «ученых». Кларенс Миллз, профессор экспериментальной медицины в университете Цинциннати, продолжил дело отставного урядника, осчастливив мир новыми потрясающими открытиями.

В книге «Климат делает человека» профессор Миллз всю историю человечества об'ясняет... колебаниями температурной кривой. Одна из глав этого «научного труда» попросту так и называется: «Термометр и история».

«Научная» идея автора до крайности проста: высокие температуры затрудняют отдачу тепла человеческим телом, а низкие температуры облегчают ее и, следовательно, усиливают активность человека. Это «теоретическое» построение применяется американским профессором с такой «ловкостью», какая и не снилась первооткрывателю этой идеи — уряднику Семи-Булатову.

Надо, к примеру, об'яснить, почему в капиталистическом обществе существует зверское угнетение колониальных народов, почему горстка империалистических хищников господствует над многочисленными странами и народами. Оказывается, все дело в... температурном режиме.

Благоприятными температурными условиями, по мнению автора, обладают лишь некоторые районы земли с населением, составляющим в среднем треть всего человечества. Разумеется, «Соединенные Штаты владеют не только наиболее крупными из таких районов, но и наиболее укрепляющими силы». Относя к этим благоприятным районам, скрепя сердце, также некоторые страны Западной Европы, Миллз делает общий вывод: «Население этих районов не случайно так доминирует в мировых делах. Под благотворным влиянием температуры в нем развиваются энергия и инициатива в соединении с неутомимостью, которая постоянно стремится найти себе применение».

За счет кого же находят применение эти «неутомимость» и «инициатива»? За счет тех стран, где климат «способствует» тому, чтобы население пребывало в состоянии покорности и подчинения.

Все крайне просто и ясно. И профессор торжествующе делает «научное обобщение»: «Мировое господство, таким образом, непоколебимо основано на движущей силе климата».

Все исторические экскурсы автора построены таким образом, что, в конце концов, сводятся к антисоветским клеветническим измышлениям, к извращению событий второй мировой войны, к жалким попыткам дискредитации героической Советской Армии. Профессору до-смерти хочется «научно доказать» американскому обывателю, что в нашей великой победе, избавившей мир от угрозы фашистской чумы, не Советская Армия и советский народ сыграли решающую роль, а опять-таки... термометр!

Итак, к числу бездарных антисоветских клеветников, изо всех своих жалких силенок пытающихся умалить всемирно-историческое значение победы, одержанной советским народом и его армией над фашизмом, присоединился и цинциннатский урядник, размахивающий термометром, как дикарь копьем.

П. **АЛАМПИЕВ**

# „Ливрейные лакеи" американской реакции

«Ливрейные лакеи» американской реакции с точностью, как хорошо заученный урок, повторяют сейчас то, что было проделано век назад в Пруссии, то, что было обыденным в гитлеровской Германии. «Ливрейными лакеями» буржуазии К. Маркс метко назвал прусскую полицию и суд, которые, пустив в ход подлоги, лжесвидетельства, провокации, запугивания, состряпали знаменитый кельнский процесс коммунистов. Сегодня мы являемся свидетелями того, как в Соединенных Штатах с помощью подлога, беспардонной выдумки и клеветы, усовершенствованной во всевозможных американских «комиссиях по расследованию», сфабриковано фантастическое обвинение против руководителей американской коммунистической партии. «Совесть» судей должна восполнить и отсутствие фактов и «пробел» закона.

Да, ни «закон Смита», изданный во время войны, ни содержащийся в уголовном кодексе США закон о заговоре против правительства не дают ни малейшего основания для привлечения к ответственности по обвинению «в антиправительственном заговоре» лиц, которые ведут борьбу за свободу народа, за мир и демократию против поджигателей войны.

Полиция и суд в США спешат опередить законодателя. Еще не принят чудовищный законопроект Мундта, который фактически направлен не только против коммунистов, но и против всех других прогрессивных организаций и обществ, а американские власти уже спешат поставить их вне закона. В конституции США еще содержится статья, которая гласит: «Конгресс не будет издавать законов... запрещающих свободу слова или печати», а правительство США вкупе с судом уже об'являет войну свободе слова, печати и личности. Боятся, очень боятся американские законники растущих демократических сил! Этим и следует об'яснить провокационный арест руководителей коммунистической партии.

Обвинение политических противников в преступлениях, которых они не совершали,—прием старый, который уже никого обмануть не может, даже тех, кто «сам обманываться рад». Но найдется, конечно, немало законников, «чутких к звону долларов», которые сделают вид, что они и вправду верят в существование несуществующего заговора.

Прислужники американского монополистического капитала, законники на словах, грубо попирают закон. Рекламируя свою свободу печати, как торговец рекламирует гнилую заваль, они душат живую мысль и правдивое слово; превознося свою демократию, они, эти политические мошенники, знают только одну власть — власть доллара, ему служат, по его «социальному заказу» готовы на всякое шулерство в борьбе с теми, кто не хочет подчиниться власти Уолл-стрита.

Эти «ливрейные лакеи» все еще не в состоянии заучить урок, неоднократно преподанный им историей: нельзя убить, уничтожить идеи коммунизма, как бы того ни хотелось усердствующим агентам американского гестапо!

Проф. **Н. ПОЛЯНСКИЙ**,
доктор юридических наук

И. **ОРЛОВ**

# Покушение на Токуда

Десятого октября 1945 года на улицах Токио впервые после капитуляции Японии появились красные флаги. Их несли рабочие, двигавшиеся небольшими колоннами к тюрьме Фуци с разных сторон города. К полудню у тяжелых ворот тюрьмы собралось свыше двадцати тысяч демонстрантов. Рабочие, служащие и представители интеллигенции пришли сюда отметить освобождение из тюрьмы передовых людей рабочего класса — коммунистов. Собравшиеся пели «Интернационал», и, как бы на мощной волне звуков, торжественно плыли красные стяги...

Но вот, наконец, раскрылись ворота тюрьмы, и на трибуну, сооруженную здесь же из обломков разрушенных домов рабочего квартала, поднялось несколько человек в арестантских костюмах. Среди них находился генеральный секретарь японской компартии Токуда Кюици. Он радостно улыбался, — и не только потому, что вышел на свободу. Он был обрадован долгожданной встречей с трудовым людом Японии, за дело которого он томился восемнадцать лет в тюрьмах, мужественно перенося пытки и истязания, ни на минуту не отказываясь от своих убеждений, не теряя железной решимости бороться за освобождение своего народа.

«Если не будут совершенно уничтожены основы императорского строя, то-есть — императорская династия, паразитические землевладельцы и монополистические капиталисты,—говорил в тот день Токуда, — народ не получит демократических свобод, и мир не будет установлен. Следовательно, не будет выполнена Потсдамская декларация».

В тот самый момент, когда шел этот первый массовый митинг в Токио, Токуда и его товарищи были внезапно вызваны в штаб 1-й американской дивизии для «серьезной беседы о режиме японских тюрем». Участники митинга томительно долго ждали возвращения Токуда и его товарищей, но их все не было; тогда демонстранты выстроились в колонну и направились в штаб американских оккупационных войск. Они потребовали освобождения коммунистов, чтобы продолжить торжественный митинг. Но в штабе отказались удовлетворить это требование, и собравшиеся демонстративно продолжали митинг без участия Токуда и его товарищей, ставший, таким образом, первым митингом протеста против произвола американских оккупационных властей.

Всем собравшимся стало ясно, что свободы в Японии еще не существует, что за свободу трудового народа надо бороться так, как боролся и борется руководитель японской коммунистической партии Токуда Кюици...

Токуда Кюици родился в семье бедного рабочего-печатника на острове Окинава в 1893 году. До двадцатилетнего возраста он работал вместе с отцом, затем, испытывая страстное желание учиться, отправился в Токио. Неиссякаемая энергия, жажда знаний и большие организационные способности молодого Токуда привлекли внимание ряда прогрессивных деятелей Японии того времени. Такие революционно настроенные люди, как Ямадзаки Кесай, помогли ему не только поступить в университет, но и успешно закончить его. Одновременно Токуда изучал труды основоположников марксизма.

На первом организационном с'езде японской компартии в 1922 году Токуда уже выступает как один из ее лидеров, наряду с Ватанабэ Масанссукэ и Сен Катаяма. На этом с'езде Токуда был избран генеральным секретарем японской коммунистической партии. С тех пор его имя неразрывно связано с революционным движением в Японии.

Уже в 1923 году молодая японская коммунистическая партия вынуждена под давлением жестоких репрессий со стороны правительственных властей перейти на нелегальное положение. В эти трудные годы Токуда сумел не только личным примером, но и всей своей общественной и организаторской деятельностью сплотить ряды коммунистической партии под знаменем ленинских идей и отстоять ее от всех вражеских покушений.

В 1928 году Токуда, Сига и ряд других руководителей японской компартии были арестованы и приговорены к пожизненному тюремному заключению. С тех пор Токуда на протяжении 18 лет находился в заключении. Самые изощренные пытки японских гестаповцев не сломили этого стойкого и убежденного борца за коммунизм.

В октябре 1945 года численно небольшая, но закаленная в тяжелой борьбе японская коммунистическая партия вышла из подполья и стала легальной партией.

В результате плодотворной деятельности Токуда, а также Нодзака, Сига и других руководителей партии влияние ее быстро и неуклонно возрастало. В первомайской демонстрации 1946 года, организованной в Токио компартией, участвовало около 600 тысяч рабочих, а 1 мая 1947 года на улицы вышло около миллиона рабочих столицы и крестьян из окрестных деревень. Такие же демонстрации прошли по всем городам Японии и 1 мая этого года, хотя японское правительство и американские оккупационные власти приняли меры, направленные против рабочего движения.

В 1947 году японская компартия уже насчитывала в своих рядах больше 100 тысяч членов. Она стала, таким образом, массовой партией рабочего класса Японии. Компартия завоевала доминирующее положение в наиболее крупной профсоюзной организации — в Конгрессе производственных профсоюзов, об'единившем свыше 2 миллионов членов. В настоящее время коммунистические ячейки существуют в городах и деревнях, на заводах, в университетах, школах.

В декабре 1947 года в Токио состоялся VI с'езд японской компартии. Газета «Аката» отмечала, что этот с'езд был наиболее важным за все годы существования партии. С отчетным докладом выступил Токуда Кюици. Характеризуя внутриполитическое положение Японии, он отметил, что японский монополистический капитал сохранил прежние позиции и в настоящее время сплачивает свои силы. Бывшие офицеры японской армии и флота образуют ядро подпольного правительства, создавая террористические банды, деятельность которых направлена против рабоче-крестьянского движения. Токуда обратил внимание партии на тот факт, что японская бюрократия попрежнему служит монополистическому капиталу, который держит курс на возрождение милитаризма и фашизма.

Неуклонное укрепление лагеря демократии в стране, рост популярности компартии и ее политики вызывают бешеное озлобление со стороны реакции.

Правительство Асида, вдохновляемое своими американскими хозяевами, открыто прибегает к политике репрессий против рабочего движения и коммунистической партии. С парламентской трибуны Асида угрожает введением в Японии закона Тафта—Хартли, проведением «чистки» общественных учреждений от «красных», используя этот ярлык по всем истинно американским рецептам.

У Асида хватило наглости заявить по поводу возможных в дальнейшем забастовок:

— Мы намерены принять решительные контрмеры. Я в любое время брошу в тюрьму всех замешанных в этом деле людей. Возможно, что тюрем окажется недостаточно. В этом случае я построю новые тюрьмы...

Неудивительно, что в такой обстановке лихорадочно создаются террористические банды, а парламент принимает законопроект «о функциях полиции», ничем не отличающийся от законов прежнего милитаристского режима. Одним из черных дел этих банд и было покушение на испытанного борца за освобождение рабочего класса Японии Токуда Кюици.

«Центральный Комитет Коммунистической Партии СССР с негодованием узнал о подлом покушении презренного наймита врагов японского народа на жизнь нашего товарища Токуда — выдающегося вождя рабочего класса Японии», — писал в своей телеграмме товарищ Маленков.

И он выразил чувства всего советского народа.

Говард **ФАСТ**

# КЛАРКТОН

*(Отрывок из романа)*

**Недавно в Америке был опубликован новый роман Говарда Фаста «Кларктон», в котором писатель показал обострение классовой борьбы в США в послевоенные годы.**

**В небольшом американском городе Кларктоне происходит стачка. Владелец фабрики, крупный капиталист Лоуэлл, наживший на войне гигантские прибыли, вызывает из нью-йоркского специального сыскного агентства опытного провокатора Гамильтона Гелба, занимающегося срывом стачек. Гелб и фабрикант в союзе с начальником полиции Керзоном не гнушаются откровенными фашистскими методами борьбы против рабочих. Спровоцировав арест членов стачечного комитета, Гелб подвергает их пыткам в полицейском управлении и затем пытается подкупить избитых, измученных людей. В печатаемом отрывке изображена расправа с секретарем фабричной коммунистической ячейки — Деном Райеном.**

Райен сидел на деревянном табурете под ослеплявшей его сильной электрической лампой. По сторонам стояли два полицейских.

Начал Гелб. Лоуэлл и Норман отступили в густую тень у стены. Керзон поместился на границе освещенного круга. Когда Гелб заговорил, Керзон толкнул Райена тыльной стороной руки под подбородок, чтобы заставить его поднять голову.

— Хелло, Райен, — сказал Гелб небрежно. — Давно хотел познакомиться с вами.

— Хотел познакомиться с ним или хотел дать ему по морде? — спросил Керзон, засмеявшись.

— Зачем же по морде? Райен мне очень нравится.

— Значит, бить его не будем.

— Зачем же его бить? Райен мне нравится. Такие мне нравятся. Я уважаю его. С первого дня, как я приехал в Кларктон, только и слышу — Райен да Райен. Он здесь у вас просто знаменитость.

— Это, наверно, Гелб,—сказал Райен, и еле заметная усмешка прошла по его лицу. — Я хотел бы видеть, с кем я разговариваю.

— Хочет видеть, с кем он разговаривает, — захохотал Керзон. — Он мне тоже начинает нравиться. Хочет видеть, с кем разговаривает.

— Вас я как раз вижу хорошо,— сказал Райен. — Довольно противное зрелище, тем более для утомленных глаз.

— У ирландцев очень длинный язык. Поговори, поговори, Райен.

Гелб вошел в освещенный круг и стал перед Райеном, глядя ему прямо в лицо.

— Вы честный человек, Райен?

— Еще мальчишкой не отдавал матери сдачу. С этого и начал.

— Я спрашиваю серьезно, Райен, и жду серьезного ответа. Если вы слишком горды, чтобы подработать доллар-другой, будем разговаривать иначе.

— О, я горден. Вы разве не знаете, мы, Райены, — из королевского рода.

— Он у нас шутник,—сказал Керзон.

— Мне приходилось встречать красных, которых нельзя было подкупить, — сказал Гелб, придавая голосу значительность. — Вы что же, из таких?

— Куда нам в неподкупные, — сказал Райен, — каждый из нас получает тысячу долларов золотом каждую неделю, прямехонько из Москвы. Вы что же, хотите предложить больше?

— Вы нахальный сопляк, — сказал Гелб, — как и вся ваша компания. Впрочем, не думайте, что нам нужны от вас какие-либо сведения, Райен. Все, что нам требовалось, мы уже знаем. Все! Понятно? Сейчас мы ставим перед вами выбор: или вы входите в игру, или мы дадим Керзону позабавиться с вами.

— Какую игру?

— У меня в кармане письмо, коротенькое письмо, в котором говорится, что вы и ваши приятели подбили рабочих на стачку ради политических интересов своей партии. Здесь названы кое-какие имена. Письмо будет нами использовано, если в этом будет крайняя необходимость. Я лично думаю, что такой необходимости не будет. Тем более, что стачка завтра кончится. Мистер Лоуэлл решил пойти навстречу требованиям союза. Все-таки я хотел бы иметь это письмо с вашей подписью. Мистер Лоуэлл согласен уплатить две тысячи долларов.

— Это ниже существующих расценок, — сказал Райен. — Я знал одного журналиста, который когда-то писал в «Дейли уоркер», а потом продался Херсту. Так Херст его обеспечил на всю жизнь. Впрочем, для простого рабочего хватит, пожалуй, и двух тысяч.

— Не произносите речей, — сказал Гелб, и в голосе его появилась угроза. — Да или нет, Райен? Вот все, что я желаю услышать от вас, — да или нет?

— Беда, Гелб, в том, что вы устарели. Вы думаете, что вы живете в 30-х годах, когда вы громили стачку за стачкой. Только сейчас это не выйдет. Вам все еще кажется, что вы можете поставить рабочий класс на колени. Все меняется на свете, кроме такой сволочи, как вы, Гелб...

Керзон со всего размаха ударил Райена по лицу, и он повалился на пол вместе с табуретом. Полицейские поставили табурет на место и подняли Райена. Выбитый зуб болтался у него на обрывке десны. Верхняя губа была рассечена и уже распухла. Изо рта текла по лицу струйка крови.

— Вот теперь он мне по-настоящему нравится, — сказал Гелб.

— И мне нравится, — захохотал Керзон. — Он храбрый малый. Все ирландцы храбрые малые. Им только бы подраться.

— А, может быть, он любит мир и тишину, — сказал Гелб.—Он ведь семейный человек. Пятеро детей. Семейный человек не любит драться. Он любит мир и тишину. Он думает, что я устарел. А, быть может, это он устарел. За что же вы ему изукрасили физиономию? Бедный малый и так не блещет красотой. За что вы так его изукрасили, Джек?

— Хорошо, буду беречь его красоту,— усмехнулся Керзон.

— Правильно, — сказал Гелб примирительным тоном. — Ну, а ты как думаешь, Дэнни? Я лично — не сторонник кулачных расправ.

— Проклятый сукин сын, — сказал Райен.

На этот раз Керзон ударил его в живот. Райен и табурет с грохотом покатились во тьму. Полицейские снова подняли Райена. Но когда они усадили его на место, он скорчился, задыхаясь и держась руками за живот.

— Хорош, — сказал Гелб. — Красавец хоть куда.

— Он мне нравится, — улыбнулся Керзон. — Просто-напросто нравится.

Гелб обернулся к Норману.

— Заметь, Фрэнк, — сказал он, — перед тобой сидит принципиальный человек. Я предлагаю ему две тысячи долларов, но он не хочет даже отвечать. Гордецы эти коммунисты. Знает ответы на все вопросы в мире, а когда я задаю простой любезный вопрос, он отвечает мне бранью. Не много ли спеси для ирландского оборванца.

— Любит получать по морде, — сказал Керзон, — любит, чтобы его били.

— Зачем же ему это нужно? Пусть он лучше подумает над тем, что когда рабочие станут на работу, ни он, ни его друзья все равно на заводе не останутся. Пусть подумает также над тем, что ему здесь, в Кларктоне, больше делать нечего. Пусть поймет это и получит с нас, что причитается.

Райен пришел в себя. Он поднес руку ко рту, выбитый зуб упал ему на колени и потом на пол.

— Погеройствовали и хватит, —сказал Гелб прочувствованно. — Теперь давайте перейдем к делу, Райен. Поговорим о долларах и центах. Идет, а?

Он вздохнул.

— У вас жена и дети, Райен. Куда вас заведет эта история? Не упрямьтесь, Райен. В конце концов, мы живем только раз, и нет смысла попусту портить себе жизнь. Не упрямьтесь. Почему мы не можем договориться? Мистер Лоуэлл хочет решить дело справедливо. Я тоже хочу решить дело по справедливости. Зачем нам доводить дело до таких крайностей? Может быть, вы слышали обо мне что-нибудь худое, но скажу по чести, Райен, я ненавижу жестокость и сожалею, когда вынужден к ней прибегать. И я восхищаюсь людьми вашего сорта. Я не слушаю, что про вас говорят дураки. Я искренне восхищаюсь вами. И когда я говорю две тысячи долларов, я знаю, что деньги не пропадут даром.

— Убирайтесь к чорту, — прошептал Райен.

Перевод **А. ИСАКОВА**

# ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

## ДИРЕКТИВА АНГЛИЙСКИМ КИНОРЕЖИССЕРАМ

Как сообщает газета «Дейли экспресс», английские режиссеры решили пойти навстречу известной части зрителей, протестующих против чрезмерного «натурализма» кинопродукции, и выработали инструкцию о «смягчении» некоторых приемов, практикующихся на кинос'емках. Приводим текст этой своеобразной инструкции:

«1. Детей не следует убивать из винтовки. Достаточно револьвера.

2. Эпизоды с избиением женщин нужно сокращать до нескольких кадров. Крики должны быть слышны некоторое время за кадром. Публика будет догадываться о происходящем. Следует оставить кое-что для воображения.

3. Если героине нужно по ходу действия ударить раненого в лицо, — двух или трех пинков будет достаточно.

4. Голову инвалида не следует разбивать прикладом ружья. Применяйте для этой цели бутылку.

5. Когда герой бьет девушку по лицу или переламывает ей руку, он должен делать это с выражением сожаления на лице, как если бы он делал это против своей воли».

## ПОЧТИ АНЕКДОТ

В канадской газете «Виннипег трибюн» появилось недавно следующее об'явление: «Фермер в возрасте тридцати семи лет желает познакомиться с девушкой приблизительно тридцати лет, владеющей трактором. Цель — женитьба. Просьба приложить фотоснимок трактора. Ящик № 342».

## «ЗАКОННИКИ»

Журнал «Америкэн мэгезин» приводит перечень не совсем обычных законов, и поныне действующих в различных штатах и городах США.

В г. Вермонте женщины не вправе прогуливаться одни по улицам в воскресенье, если за ними на расстоянии 20 шагов не следует муж с ружьем в руках.

В штате Массачузетс мужчинам запрещено носить остроконечную бородку, если за нее не уплачен специальный налог.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации и отдел писем — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

—02625